

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

Он их высоких зрелиц зрителъ,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Федор Тютчев

Глава первая ШЕСТЕРКИ НАШИХ ВЫБОРОВ

НЕКРОЛОГ ПО «САЙГОНУ»

Кто в Ленинграде не знал «Сайгона»? Здесь, в кафетерии на углу Владимирского и Невского проспектов, все десятилетия застоя собирались питерские художники и наркоманы, поэты и фарцовщики, философы и спекулянты. Столпившись вокруг высоких столиков, часами накачивались они крепчайшим кофе и здешним воздухом, густо настонном на кофейном инакомыслии.

Так было и в семидесятые, и в восьмидесятые годы.

Одни посетители спивались, другие обретали степенность, но в целом ничего не менялось. На смену ветеранам приходило новое пополнение – контингент оставался прежним.

И власти, косо смотревшие на этот рассадник свободомыслия и порока в самом центре города, ничего не могли изменить тут.

А попытки предпринимались. Кафетерий то закрывали на ремонт, то перепрофилировали, но проходило недолгое время, и снова здесь начинали торговаться кофе, снова толпились за столиками поэты и наркоманы, диссиденты и художники, философы и фарцовщики.

Грешен, грешен – и я любил бывать тут. Со многими посетителями кафетерия я был знаком, с некоторыми дружил.

Сейчас многое из того, что волновало тогда нас, выглядит смешным, но это были наши мысли, наши заблуждения, наша жизнь...

Кого-то сажали тогда. Кто-то в спешном порядке сваливал за кордон.

Казалось, что о будущем лучше не думать. Такое ощущение было, что жить всё равно не дадут, но работать всё-таки будешь. Вопреки всему. Отсюда и эпатаж, и этакое фрондирование. Одним словом, 1975 год. Самая середина того времени, которое теперь называют застоем...

Помню, в те годы пользовался успехом анекдот...

Дескать, по радио объявляют, что коммунизма в восьмидесятом году не будет, вместо него в Москве намечены Олимпийские игры. На память было обещание Н.С. Хрущева построить коммунизм, и анекдот смешил.

Сейчас, двадцать лет спустя, когда нищета поселилась в русских домах, когда кровь льется по улицам наших городов, даже и в голову не придет улыбнуться. Анекдот-то анекдотом, но, как понимаешь сейчас, коммунизм, похоже, был построен в СССР.

Кто тогда голодал? Много ли было бездомных? Те же «сайгоновские» поэты и художники зарабатывали на хлеб кочегарской и сторожевой работой, не особенно-то отвлекавшей их от создания так называемой второй культуры. Заработка сторожа, не отвечающего ни за что, хватало и на еду, и на кофе в «Сайгоне», и даже на умеренную выпивку. Пусть и искаленно, но принцип: «От каждого по труду, каждому – по потребностям» действовал и в «Сайгоне»...

Конечно, факт коммунизма, уже построенного в СССР, еще предстоит осознать нам, как и то, что узнать этот коммунизм – так отвратительно он выглядел! – не захотели даже те люди, которые заставляли народ строить его.

Впрочем, не менее отвратительной оказалась и построенная нынче демократия, и все рыночные отношения. Если бы каким-то чудом мы сумели заглянуть из 1975 года в наши годы, то тоже едва ли узнали бы в нынешних порядках ту свободу, о которой так тосковали тогда.

И дело тут не только в проблемах материального порядка – многие сумели решить их для себя. Парадоксально, но даже и свободы для художника, попавшего в зависимость от рынка и политической конъюнктуры, стало сейчас меньше, чем было в годы застоя.

Иногда, включая телевизор, я вижу выбившихся в начальники бывших «сайгоновцев» и не могу узнать их. Это совсем другие люди, словно бы и не знакомые с собою прежними.

Эти невеселые мысли отчасти навеяны и судьбою самого «Сайгона».

Сегодня, дожидаясь своего знакомого на углу Невского и Владимирского проспектов, я вдруг увидел, что стало с нашим кафетерием.

Не знаю, то ли дощатый забор мешал заметить это ранее, то ли просто жизнь такая стала, что многое просто не замечаешь, но – увы! – только сейчас и разглядел я, что здесь теперь находится магазин. Образцы роскошной заграничной сантехники заполнили просторные помещения кафетерия!

Я уже говорил, что никакие гонения, никакие специальные мероприятия властей не способны были изгнать дух свободомыслия из здешних стен. Проходили месяцы, и «Сайгон» оживал...

Теперь он был повержен.

Со странным чувством рассматривал я образцы товаров.

Ну да... Вот здесь, где стоит биде за 342 доллара, читал Витя Кривулин стихи:

*Я Тютчева спрошу: в какое море гонит
Обломки дней советский календарь.
И если время – Божья тварь,
То почему слезы хрустальной не уронит?*

А здесь, возле унитаза за пятьсот пятьдесят шесть долларов, рассказывал Боря Иванов о своем журнале «Часы», о свете культуры подпольной...

Везде, куда ни посмотрши, вместо поэтов и художников стояли теперь мраморные раковины и унитазы, ванны и биде.

Со странным чувством входил я в бывший «Сайгон», со странным чувством покидал этот унитазный рай.

Когда-то здесь, ёрничая и порою кощунствуя, пытались мы угадать будущее «Сайгона», но нет, ничего, даже и отдаленно похожего на такое, не прозревали.

И тут уже, конечно, речь не только о судьбе «Сайгона», а о нас самих, о том кривостоянии, в котором пребывала немалая часть интеллигенции в семидесятые годы. Из этого кривостояния и невозможно было прозреть ничего...

Всё уродливо искривлялось, как отражения в мраморных раковинах, заполнивших нынче помещение бывшего кафетерия. Творчество превращалось в игру, смелость – в эпатаж, откровения и прозрения – в загроможденную химерами бессмысленную пустоту. И, конечно, можно было адресоваться с вопросами и к Тютчеву, и к самому Господу Богу – это безразлично, поскольку и вопрос только приём, только игра, не предполагающая ответа...

И по-своему, конечно же, закономерен этот унитазно-туалетный финал так называемой второй культуры, всего «сайгоновского» инакомыслия семидесятых годов.

И тут только и остается повторить вопрос: «И если время – Божья тварь, то почему слезы хрустальной не уронит?»

Впрочем, куда теперь ронять ее?

В этот туалетный агрегат стоимостью в пятьсот пятьдесят шесть долларов?

1 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

ЖИЗНЬ КАК САТИРА

Похоже, что скоро писателям-сатирикам придется менять профессию. Сатиру нынче пишет сама жизнь, и конкурировать с нею никому не под силу.

В самом деле, сегодня, в один день, Центризбирком зарегистрировал уполномоченных представителей двух кандидатов в президенты. Один кандидат – известный всем Михаил Горбачев, другой – неизвестный никому Валерий Смирнов.

Но зато отчество у этого Валерия Смирнова – Маркович!

Хотя, конечно, решение Михаила Сергеевича баллотироваться в президенты смешнее.

Это каким же нужно быть самодовольным человеком, чтобы рассчитывать на голоса избирателей после того, что ты сделал со страной?

Горбачеву, конечно, и следовало бы отдать первый приз за воплощение в себе образа сатирического персонажа, если бы Ельцина не было.

Но Борис Николаевич и в сатирическом жанре первенство ему уступить не желает.

Сегодня издан его указ о своевременной выплате зарплаты бюджетникам. Очень трогательно! А без президентского указа зарплаты бюджетникам теперь можно и не выплачивать?

А как с шахтерами быть, по поводу которых Ельцин никакого указа не выпустил?

118 шахт – угольщики тоже требуют свои зарплаты! – в России бастует.

Но это как раз уже и не смешно.

2 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

НАЧАЛО ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Сообщив на новогоднем детском празднике в Кремле о своем намерении баллотироваться на пост президента России, Борис Николаевич Ельцин для начала освободил Анатолия Борисовича Чубайса от должности первого заместителя председателя правительства. То ли обузой главный «приватизатор» стал, то ли на другую более ответственную работу его решили перебросить.

В Чечне, между тем, боевики Ахмеда Закаева захватили настоятеля грозненской церкви Михаила Архангела отца Анатолия Чистоусова и протоиерея Сергия Жигулина².

А в России, сразу в 51 регионе, прошла трехдневная забастовка учителей. Педагоги требуют выплатить задержанную боевиками из правительства Виктора Степановича Черномырдина зарплату.

300 000 учителей бастует...

4 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

КОШКА-ДЕМОКРАТКА

У скульптора Сергея Алипова в мастерской жила кошка.

Сергей объяснял, что замечательна она своей необыкновенной вредностью.

В туалете это создание обыкновенно ходило прямо на диване, на котором отдыхает Сергей. Сергей стал застилать диван полиэтиленом, но и это не помогло. Смыщенное животное наловчилось раздирать пленку, перед тем как сделать свое дело.

Диван Сергею пришлось вынести на помойку.

– Замечательная кошка! – восхитился я, услышав эту историю. – И где ты добыл такую?

– Приятель подарил. Он в мэрии сейчас работает. Неудобно было отказаться.

– Ну, так и что? И дальше будешь мучиться?

– А что делать? – Сергей пожал плечами. – Выгнать ее я не могу. Смотри, какое пузо нагуляла... Да и не виновата она, что у депутата бывшего воспитывалась.

Возразить на это было нечего. Сергея, конечно, жалко было, но кошка действительно не виновата, что ее депутат воспитывал.

Это месяца полтора назад было, а сегодня зашел в мастерскую – кошки уже нет.

– Выгнал всё-таки свою депутатку? – ехидно осведомился я.

– Нет! – Сергей покачал головой. – Она с ума сдвинулась.

– Да ты что? – удивился я. – Неужто в ЗАКС на заседание ушла?!

– Нет, она коят своих съела и отправилась... – вздохнул Сергей. – Я же говорил, что у депутата выросла.

5 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

ЗАПОЛЯРЬЕ МОЕ, ЗАПОЛЯРЬЕ

Получил сразу два письма. Одно пришло из Хабаровска из редакции «Дальнего Востока», другое из Якутии, из редакции «Полярной звезды».

И там и тут просят новых произведений для публикации, соблазняют (в Хабаровске – 170 000 за печатный лист, в Якутске – 150 000) гонорарами.

Экая у меня дальневосточно-заполярная известность образовалась...

6 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

НОВЫЙ МИТРОПОЛИТ

Сегодня – память новомучеников и исповедников российских. Ходил с Марией во Владимирускую церковь. Служил там наш новый митрополит Владимир (Котляров).

Он на два года моложе покойного митрополита Иоанна (Снычева). Нового митрополита мы здесь

же, во Владимирской церкви, и увидели первый раз, но выглядит очень старым, а главное – совершенно чужим.

И, казалось бы, такая же литургия, но почему-то все другое...

Очень тяжелое впечатление.

Наверное потому, что все время нового митрополита с владыкой Иоанном сравнивали.

11 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

ПОПУГАЙ

— Такого попугая красивого купили, а он хулиганом оказался! – рассказывала своей подружке женщина в магазине. – Как водопроводчик матерится...

– Неужели?!

– Да-да! Матерится, а главное – клюется!

– Клюется?!

– Ты представить не можешь, как он клевался! Откуда в птичке столько злобы?

– Как же вы живете с ним?

– Да уже не живем... В детский садик на Новый год отнесли, – вздохнула женщина. – Не держать же дома такое чудовище!

12 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

ПИСЬМО ИЗ ДОНЕЦКА

Получил из Донецка письмо от Александра Николаевича Гребнева.

«Прошло десять лет, как прервалась наша с Вами переписка... – пишет он. – В последнем своем письме Вы писали, что мои воспоминания о Вашем отце навели Вас на мысль подробно написать о том времени. Оттуда, – по Вашему выражению, начинается огромный, еще не осмысленный нами временной пласт – наша эпоха...»

К сожалению, наша переписка тогда прервалась под воздействием, как я думаю, задувшего тогда «демократического» ветра, к запаху которого, как к новому аромату, принохивались все. Для многих тогда прошлое осталось за закрытой дверью.

Теперь, мне думается, «демократический» угар в обществе порядком повыветрился и обществу будет небезинтересно углубиться в тот временной пласт – пласт возрождения искореженной войной страны-победительницы...

Даже завидно стало, когда прочитал, что в Донецке уже выветрился «демократический» угар...

У нас этого пока не наблюдается...

21 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

ПРЕДВЫБОРНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Пожилые мужчины беседовали в электричке о приближающихся выборах и как-то неинтеллигентно Черномырдина ругали, а Зюганова – нет, Зюганова хвалили.

Разговор этот, спокойный, неспешный и совсем неинтересный, внимательно слушал сидевший напротив интеллигентный молодой человек в очках в дорогой оправе. Какое-то время он только возбужденно поерзывал, но потом не выдержал.

– Вы соображаете, отцы, что будет, если коммунисты победят? Не страшно?!

– А чего страшного? – спросил один из собеседников. – Что на работу можно будет каждому устроиться? Что зарплату будут вовремя платить? Что войн не будет? Нет, сынок! Этого мы не боимся...

– Так они ведь, отец, еще и сажать станут! – возмущился молодой человек.

– А таких, как ты, сынок, и не мешало бы посадить!

26 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

РУССКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Завершаем с Марией работу над «Русским хронографом».

Работали над ним увлеченно, но порою отчаяние накатывало – так запутана русская хронология...

И виною тому не только войны, в пожаре которых гибли русские города и книжные хранилища, не только русское небрежение к документам, но и сам наш изначальный подход к своей истории.

Чтобы четче отразить духовный смысл исторических событий, первые монахи-летописцы размещали их в церковном календаре, многие праздники которого являются переходящими. Учитывая, что почти до конца XV века на Руси мартовский стиль существовал одновременно с сентябрьским (одни отсчитывали новый год с 1 марта, другие – с 1 сентября), при переписывании летописей и сведении их в единые своды возникала неизбежная путаница – попадающие на стыки годов даты начинали плыть.

Эта хронологическая путаница только усилилась при переходе на Григорианский календарь, а потом при календарной реформе Петра I.

Тем не менее книгу мы составили, и теперь можно не только оглянуть всю историю России как бы с высоты птичьего полета, но и увидеть так часто теряющую авторами курсов лекций одновременность исторических событий. К сожалению, и до сих пор, несмотря на обилие книг по русской истории, все события ее – войны, становление производств, развитие общественной мысли, Русская Православная Церковь, – как правило, разведены по различным изданиям и в массовом общественном сознании существуют как бы независимо друг от друга.

Наша книга, при всей ее неполноте, все же должна помочь в воссоздании целостного образа русской истории, а заодно даст возможность читателю развить в себе иммунитет против различных спекуляций.

Ведь не секрет, что, увлекаясь выстраиванием какой-либо тенденции, некоторые историки просто обходят молчанием не вмещающиеся в их схему факты. Пользуясь нашей книгой, читатель легко может установить, какие именно сведения пропустил автор и, соответственно, можно ли вообще доверять его обобщениям и выводам.

28 февраля 1996 года, Санкт-Петербург

МОЛИТЬСЯ И РАБОТАТЬ

Сдал в издательство остаток – больше тысячи страниц машинописи получилось! – рукопись «Русского хронографа», а вечером позвонил отец Геннадий Беловолов и пригласил поехать в Тихвинский монастырь.

Поехал.

В монастыре уже братия появилась, настоятель – отец Александр (Гордеев).

Когда разговорились с ним, выяснилось, что детство его прошло на погосте Сенно, откуда еще при Василии III Иоанновиче возили в Тихвин известняк для строительства Успенского собора монастыря.

Такое вот промыслительное назначение.

А вообще отец Александр в прошлом офицер, военный летчик.

Когда вышел в отставку, работал в музее «Исаакиевский собор», потом принял постриг на Валааме, а 16 июля 1995 года постановлением Священного Синода был назначен настоятелем Свято-Успенского Тихвинского монастыря.

Пока монастырю вернули только «церковь на крылечке» да Поварской корпус с совершенно не приспособленными для проживания помещениями. Даже настоятелю негде поселиться там, и живет он в ризнице «церкви на крылечке»...

И щемит, щемит сердце, когда смотришь на монастырскую братию. Не соответствует численность ее размерам монастыря, объему предстоящей работы.

Но шла служба, неторопливо, обстоятельно распрашивая каждого, вел исповедь отец Александр. И хотя порою в молитвы врывались доносящиеся с расположенного рядом катка: «Девочка! Девочка! Я тебя хочу!» – нынешняя разухабистая музыка, стоящие в церкви, казалось, и не слышали этого, молитвенно-отрешенными были лица.

И в этой неспешности исповеди, когда, казалось бы, можно и поторопиться, поскольку кругом

одни только неотложные дела, и в этой молитве, перекричать которую не мог радиорупор, ощущались неколебимая твердость и бесстрашие.

Больше всего меня удивило спокойствие, с которым отец Александр (Гордеев) говорил и про разухабистую музыку, и про оскверненное монастырское кладбище. Не было в нем раздражения, все время отец Александр улыбался – яркому солнцу, моим вопросам, мальчишке, пристроившемуся к нам и время от времени встревавшему в наш разговор.

Отгадка была в словах, сказанных о пожилом наставителе отцом Геннадием Беловоловым: «Бог дал, что у него нет памяти на зло». Это беспамятство на зло и помогает отцу Александру...

Некогда копить обиды.

Надо просто молиться и работать...

8 марта 1996 года, Тихвин

КАМЕНЬ

Здесь, в Тихвинском монастыре, я задумался о природе чуда в России.

Подтолкнул меня к этим мыслям камень в фундаменте Успенского собора.

Это гигантский булыжник, приплывший, как утверждает предание, на льдине к стенам монастыря.

Камень вытащили, подняли на крутой берег, сделали на нем надпись и положили в фундамент Ильинского придела.

Чудо?

Конечно, чудо. Как и сам, словно бы приподнятый своими огромными куполами над землей, Успенский собор.

Вторая редакция этого чуда возникла уже в советские годы, и у истоков ее стояла директор местного краеведческого музея Мария Леонтьевна Самушенкова. Почему-то она решила, что указанием даты прибытия камня к стенам монастыря надпись не ограничивается и на перевернутой к земле стороне камня имеется сообщение об особой чудодейственной силе его.

Поскольку перевернуть лежащий в фундаменте храма булыжник невозможно, трудно было и опровергнуть этот домысел.

И вот давно уже нет Марии Леонтьевны в музее, но придуманный миф живет. О чудодейственной силе камня знают в Тихвине все.

Всегда этот камень открыт от снега. И свадьбы приходят сюда, и желания здесь загадываются, и всегда монетки блестят на камне. И даже в духовенстве, которое посещает Тихвинский монастырь, тоже распространилось почитание камня. Прикладываются к нему и паломники, и иереи.

Впрочем, никакого прегрешения против правос-

лавия тут, наверное, нет. Отчего же не почитать камень, приплывший по реке к стенам монастыря и положенный в основание Ильинского придела?

И какое имеет значение, кто заложил традицию почитания?

Неведомыми нам путями творится Воля Господня.

10 марта 1996 года, Тихвин

НЕСГОРЕВШИЕ КРЫЛЬЯ

Заходил Глеб Горбовский. В прошлом году он написал замечательный стихотворный цикл «Грешные песни», а в этом – «Сгоревшие крылья».

Издателей – увы – не находится. Оба сборника «изданы», как и в годы молодости Горбовского, в машинописи, самодельным издательством «Бэ-Та».

Между тем «Сгоревшие крылья» – бесспорная удача Горбовского.

Написан этот цикл в Новороссийске, куда ездил Глеб Яковлевич к своей тяжело заболевшей матери. Как он говорит, стихи писались, чтобы освободиться от тяжести.

– Ни о чем мелком думать уже неохота... – сказал он. – Только спасительные мысли и поддерживают меня на плаву.

Еще Горбовский рассказал о долгой – двое суток! – дороге в общем вагоне в Новороссийск, о таможенниках, встречавших его на пути к матери.

– Пьяный вагон... Все пили... И мешочки кругом, только не с мешками, а с кофрами. Как будто в сорок пятый вернулся, когда война кончилась...

Я слушал рассказы Глеба Яковlevича, его новые стихи и думал, что «Сгоревшие крылья» – это книга об утраченных нашей интеллигенцией иллюзиях, и еще – не сгорают крылья у настоящих поэтов! – о том прозрении, которое и обретается сейчас:

С похмелья – очи грустные.
В речах – то брань, то блажь.
Плохой народ, разнужданный,
растяпля... Но ведь – наш.
В душе – тайга дремучая,
в крови – звериный вой.
Больной народ, измученный,
небритый... Но ведь – свой.
Европа или Азия?
Сам по себе – народ!
Ничей до безобразия.
А за сердце берет.

14 марта 1996 года, Санкт-Петербург

ДЕНОНСАЦИЯ

Госдума приняла Постановление «О подтверждении юридической силы результатов референду-

ма СССР от 17 марта 1991 года по РСФСР (РФ)».

Во втором пункте Постановления сказано, что «должностные лица РСФСР, подготовившие, подписавшие и ратифицировавшие решение о прекращении существования Союза ССР, грубо нарушили волеизъявление народов России о сохранении Союза ССР, выраженное на референдуме СССР 17 марта 1991 года»...

А в третьем пункте подтверждается, что «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, подписанное Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным и государственным секретарем РСФСР Г.Э. Бурбулисом... не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР».

Борис Николаевич Ельцин сразу после этого постановления включил в свой предвыборный штаб недавно уволенного из правительства Анатолия Борисовича Чубайса.

Такой вот ответ дал президент Думе.

16 марта 1996 года, Санкт-Петербург

РУССКИЙ ХРОНОГРАФ

Получил деньги в «Александр-принте». Не все, но значительную часть – два миллиона рублей + 510 долларов. Всего на нынешний день получено восемь с половиной миллионов рублей.

Эти деньги, конечно, нас чрезвычайно выручили.

Как-то спокойнее жить стало...

Вот и получается, что «Русский хронограф» самой силой собранной в нем истории вывел нас из нищеты.

Александр Завенович сказал, что книга уже в наборе...

18 марта 1996 года, Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНЯЯ ЖИТЕЛЬНИЦА

Заходили гости из Вознесенья. После их ухода написал рассказик про бабку, которая последнее время, как смеялись мои гости, шибко за демократию переживать стала.

С одной стороны, конечно, жить теперь хуже некуда – не вспомнить, когда еще голодовали так, но, с другой стороны, достижения демократии тоже жалко было старушке терять.

Долго она мучилась, а потом и решила с дедом посоветоваться.

– Дедко... – сказала она. – Борис-то Николаевич, вишь, еще на пять лет просится, чтобы выбрали его. Иначе, говорит, может, и полегче без него жить станет, а вот демократии уже не будет. Может, говорит, и выборы тогда не состоятся новые. Вы уж, говорит, выберите меня, пожалуйста, еще на пять лет. Я все устрою. Как ты, дед, думаешь? Может, выберем?

– Дура ты, дура! – ответил дед. – Ума нет, а туда же, в высокую, понимаешь ли, политику лезешь! Полдеревни у нас за эти годы вымерло, а если еще пять лет? Ведь совсем никого, кроме демократии вашей, не будет! Она одна останется! Сама себя выбирать станет?!

Бабка представила себе, как ходит старушка демократия по пустой вымершей деревне, и так грустно стало, что заплакала она...

– Ну-ну... – сказал дед. – Чего ты...

– Жалко... – всхлипнув, ответила Егорова. – И Бориса Николаевича жалко. И ее, демократию, если она одна останется, тоже жаль...

22 марта 1996 года, Санкт-Петербург

ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ

Давно собирался написать рассказ о коммунизме, который был построен у нас, но которого никто не заметил. Только сейчас обнищавшие вконец работяги начинают понимать, что жили в коммунизме. И уже и название рассказа придумалось «Вихри враждебные», но рассказ все не складывался.

А сегодня ездил в мастерскую к Сергею Алипову.

Наконец-то он закончил мой портрет в воске. Смотрится вроде ничего, хотя Сергей, конечно, перебрал с морщинками, собрав на челе у меня всю печаль за обманутый пролетариат России...

Вернувшись домой, сел к столу и единим приступом завершил рассказ.

Герой возвращается с импровизированной рабочей сходки и тихо поет песню «Вихри враждебные веют над нами».

А на улице метель. Хочется сесть где-нибудь за гаражом, скрочиться и забыться в стуже, которая гостеприимно-ласково манит в сон.

И садится герой рассказа на бревно возле какого-то гаража. И сжимается в комочек, готовый пропасть в ледяном ветре, но тут в ласковый полусон, заволакивающий сознание, прорывается песня «В бой роковой мы вступили с врагами» – и герой рассказа с усилием раскрывает глаза, с трудом встает.

«Нас еще судьбы безвестные ждут!» – поет он и, шатаясь, бредет дальше сквозь завывания метели.

24 марта 1996 года, Санкт-Петербург

ПРОДОЛЖЕНИЕ РУБЦОВА

Сутра перебирал бумаги, обдумывая, чем заняться.

Решил записать историю, которую рассказывал Вадим Валерианович Кожинов, про Рубцова, собиравшего в ресторане Центрального дома литераторов свои рассыпавшиеся по полу деньги.

И пошел, пошел текст о посмертной судьбе Ни-

колая Михайловича Рубцова, который можно озаглавить «Ужасные обломки».

Пока писал, почта пришла.

Прислали из самарской газеты деньги за роман «Письма с того света» («Чужой») и журнал «Россия молодая» с моей статьей.

Очень удачное дополнение к «Ужасным обломкам».

25 марта 1996 года, Санкт-Петербург

СОБОРОВАНИЕ

Замечательный день. Проснулся – солнце совсем весеннее.

Сидел, писал главу про женщин Николая Рубцова для «Ужасных обломков».

В четыре часа пошли собороваться во Владивостокскую церковь. День рабочий, но народу на соборование – не протолкнуться.

В этой тесноте и пособоровались.

26 марта 1996 года, Санкт-Петербург

ВОЗРОЖДЕНИЕ «НАРОДНОЙ ПРАВДЫ»

Литургия преждеосвященных даров в церкви Спаса Нерукотворенного Образа.

Причастился.

Вечером ходил в «Народную правду».

Виктор Георгиевич Долгов объявил, что возобновляется выпуск «Народной правды» и направление не меняется. По-прежнему мы будем выступать против Ельцина, против Собчака, против Чубайса, против Гайдара.

– А за кого?

– У нас же «Народная правда»... За народ, разумеется!

Ему начали задавать вопросы, и выяснилось, что деньги на газету пока имеются только на период избирательной кампании, а дальше видно будет.

Я хотел было в шутку предложить поменять название газеты на «Электоральную правду», коли у нас и оппозиции народ только на время выборов нужен...

Но промолчал.

Чего говорить, если другой оппозиции у нас, похоже, все равно не будет?

27 марта 1996 года, Санкт-Петербург

ПОЧЕМУ Я ПЛАЧУ, ШУРА?

Сегодня в «Литературной России» напечатана статья Михаила Коносова о моей повести «Дни забытых глухарей».

«Николаю Олейникову и ситуации в детской советской литературе довоенных лет посвящена повесть известного питерского писателя Николая Коняева «Дни забытых глухарей» («Молодая гвардия», № 11, 1994 г.). Эта небольшая, но ем-

кая по своему содержанию и накалу страстей работа привлекла к себе внимание. Ведь в этой документально-художественной повести перед нами проходят знаменитые обэриуты, а главное в том, что затронута величественная тень мэтра – С.Я. Маршака, неприкасаемого, который делал советскую детскую литературу...

Сам автор статьи, Михаил Коносов, был репрессирован в 1967 году за участие в организации ВСХОН (Всероссийский Социал-Христианский Союз освобождения народа), немало лет провел в заключении и о допросах в органах, и о самом характере их работы пишет в своей рецензии с полным знанием дела...

Точно так же достаточно глубоко и точно, расставляя все точки над «и», как и положено «всехоновцу», пишет Михаил Коносов о причинах шума, что поднялся после публикации моей повести...

«Не надо модернизировать прошлое – и Олейников, и его друзья были советскими писателями. «Олейников хотел жить и поэтому принимал законы мира, в котором ему предстояло жить», – пишет Коняев. Он показывает, что споры с Маршаком, а затем и откровенная борьба с ним – это реакция Олейникова на диктатуру маршаковского вкуса, затыкающую рот всему резко индивидуальному, подлинно творческому. Ибо природа этого «вкуса» коренилась в социальном заказе на выращивание «нового человека» – без традиций, без прошлого, без национального. Олейников и его друзья хотели выразить себя и время, которое им досталось, опираясь на русскую смеховую культуру...

Олейников, а за ним Шварц, Н. Чуковский, Андроников, Житков своей незаурядностью порывали с империей Маршака и рвались на свободу.

«Ушли, разумеется, не по своей воле, а по воле Маршака», – писал в своих воспоминаниях Н. Чуковский. «Маршак чуял перемены, время, перелом в настроениях эпохи. В новую эпоху его могла только компрометировать связь с нестройной бандой шутников и балагуров, чей едкий ум был не склонен к почтительности и не признавал никакой иерархии...»

Вскоре вышли воспоминания П. Капицы о Маршаке, тоже вскрывающие механизм его давления на талантливых писателей, структуру его безраздельной власти.

«Хранители святынь» переполошились. Объявилась А.И. Любарская, работавшая до войны под водительством Маршака...

Когда-то Н.М. Олейников посвятил ей доверительные стихи:

*Почему я плачу, Шура?
Очень просто: из-за вас.
Ваша чуткая натура
Привела меня в экстаз.*

Теперь «чуткая натура» г-жи Любарской откликается всякий раз, как только раздаются голоса о «деятельности» Маршака. Откликнулась она и на повесть Коняева.

«Как бы ни относился Н. Олейников к Маршаку, как бы ни расходились их литературные пути, Олейников не мог этот спор сделать достоянием застенков НКВД... Этого не было, потому что не могло быть», – раздается ее истерический голос («Невское время», 24.08.1995 г.)...

Эстафетную палочку Любарской перехватывает А. Рубашкин и вспыхивает сообщает, что «автору повести больше всего не нравится в Маршаке его... имя и отчество» («ЛГ», 6.09.1995 г.).

А я думаю, что главное в повести не то, что «автор дурно отзыается о Маршаке», главное, что повесть Коняева – это смелая попытка восстановить то, что происходило в действительности, где исследуются конкретные факты (окружение Олейникова, его литературная жизнь, записи), где сопоставляются тексты и реальные лица, их вдохновившие, воспоминания современников и, наконец, художественная интуиция, которая позволяет писателю войти с творчеством Олейникова в эмоциональный контакт. Повесть открыла нам в Олейникове несломленного человека, позволила увидеть бурный рост его таланта, его друзей и настоящих врагов».

Все очень четко сформулировано...

Статью Михаила Коносова, в принципе, можно было бы использовать как послесловие к моей повести, поскольку она тоже позволяет увидеть в современной литературной действительности то, что обыкновенно принято не замечать.

Но и такие статьи у нас тоже не принято замечать.

29 марта 1996 года, Санкт-Петербург

АНГЕЛ РОДИНЫ

Все-таки Борис Николаевич Ельцин решил не ограничивать свой ответ на денонсацию Думой беловежских соглашений одним только возвращением Чубайса.

Сегодня вместе с Александром Григорьевичем Лукашенко он подписал в Кремле «Договор о создании Сообщества двух государств».

Чеченцы – это передали по радио! – подгадав к этому событию, сняли с двух наших солдат скальпы, а третьему – обрубили пальцы на руках...

К какому из семи вариантов окончания войны в Чечне, предложенных Ельциным, следует отнести этот кошмар?

Днем – они заменили теперь дневник! – мастерил небольшие фельетоны для «Народной правды», а вечером снова писал «Ужасные обломки», из которых – именем Рубцова будем узнавать друг друга в надвинувшемся на нас кошмаре! – все яснее проступает образ поэта как ангела Родины.

Может быть, так и называть повесть?

2 апреля 1996 года, Санкт-Петербург

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛОКОЛОВ

Вербное воскресенье... Ездил с отцом Геннадием Беловоловым в Сомино.

Шестьдесят лет назад в этом селе сбросили с церкви апостолов Петра и Павла колокола. Самый большой колокол, ударившись о каменные ступеньки церковного крыльца, разлетелся вдребезги.

Старые соминцы вспоминают, что, когда уехали милиционеры, жители села приходили к церкви, искали осколки разбитого колокола и уносили с собою.

Наверное, это только легенда – не мог разлететься колокол на такие мелкие куски! – но нынешние жители села утверждают, что разбитый колокол так и не смогли увезти и он остался в Сомино, словно бы растворившись в гулкой тишине здешних снегов, в соминских малиново-звонких зорях.

Ну, а в память о чёрном дне остались отметины на каменных ступенях церковного крыльца.

Нынешний настоятель храма апостолов Петра и Павла Геннадий Беловолов сказал, что никогда не наступает на эти выщербины.

– Камни вогиают... – пояснил он.

Разрушать легче, чем созидать.

Снова церковь апостолов Петра и Павла открыли еще в 1947 году, но всё как-то не получалось заняться колоколами – другие, более насущные ремонты съедали церковные доходы. Так и били, словно в колхозе или в лагере, в подвешенную на колокольне рельсу.

И только в прошлом году дошли руки и до колоколов.

Еще осенью стали собирать пожертвования.

Первой внесла деньги на колокол пенсионерка Ариадна Константиновна Бабарика, следом за нею и другие...

И хотя, как и повсюду в России сейчас, трудно живут в Сомино, но собрали необходимые миллионы, чтобы отлитъ десятипудовый колокол в городе Романов-Борисоглебский Ярославской области.

На колоколе икона святых апостолов Петра и Павла, а по окружности надпись: «Отлит на народные пожертвования».

Сегодня колокол привезли в Сомино, и это было похоже на чудо. Словно бы собирались воедино разнесенные по домам куски разбитого соминского колокола и срослись воедино.

На нынешнюю пасхальную ночь разнесется его светлый звон над разбухшей от весенней воды речкой Соминкой, над просторными полями и перелесками.

И, словно откликаясь его мощному голосу, зазвучит в ответ из сумерек памяти старый колокол. Еще когда собирали пожертвования, вспомнилась история о прежнем соминском звонаре, который, поднимаясь на колокольню, привязывал веревки к локтям, к ногам, к каждому пальцу на руках и так и начинал звонить.

– Как на пианино играл...

– Сколько же колоколов было, если ему столько веревок требовалось?

– А столько и было. Когда он звонить начинал, и в Ефимовском слышали.

Сейчас тоже далеко от Сомино слышен колокольный звон...

7 апреля 1996 года, Сомино

ЦЕНЫ

Напрасно те, кого называют красно-коричневыми, носят на демонстрациях портреты Ленина.

Настоящие наследники большевиков не они, а нынешние демократы.

Разумеется, промышленность они не восстановят, войну не выиграют, но зато власть, как и заповедали большевики, добровольно никому не отдадут.

И простому народу жизни при них уж точно не будет.

Творог стоит уже 30 тысяч рублей килограмм, сметана – 11 тысяч, картошка – полторы тысячи. Пол-литра «синопской» водки – 22 тысячи. Пачка индийского чая – 3 600 рублей, банка растворимого кофе – 7 100 рублей.

12 апреля 1996 года, Санкт-Петербург

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ПАСХИ

14 апреля в 1856 году умер русский философ Петр Яковлевич Чаадаев.

Опубликованное им в 1836 году «философическое письмо» дало повод императору Николаю I заподозрить его – «Нахожу, что содержание оной смесь дерзостной бессмыслицы, достойной ума-лишенного» – в душевной болезни.

Умер Петр Яковлевич на Страстной неделе, а через несколько дней, как бы заменяя Петра Яковле-

вича Чаадаева в России, родился другой русский мыслитель Василий Васильевич Розанов.

Он тоже был склонен к эксцентрическому восприятию мира, но сумасшедшим его никто не считал.

Впрочем, ведь хотя и родился Розанов 20 апреля 1856 года, но неделя между смертью Чаадаева и его рождением разделена Пасхой, и рождение Василия Васильевича произошло уже на Светлой седмице.

Я не знаю, задумывался ли сам Розанов об этом соседстве, но словно вспоминая знаменитое письмо А.С. Пушкина, писавшего П.Я. Чаадаеву: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков», – говорил Василий Васильевич за уборкой своей библиотеки:

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее».

Только не все ли равно, кому эти слова адресованы: Чаадаеву или нам...

Такое ощущение, что во тьму – по другую сторону Пасхи – и адресованы эти слова, чтобы хоть как-то обозначить путь...

Сегодня Пасха, и как-то особенно остро ощущаешь это.

14 апреля 1996 года, Санкт-Петербург

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ

Воевали у нас в стране по-всякому... И отлично воевали, и отвратительно; и смело воевали, и трусливо... Но так, как нынче, по предвыборным технологиям, похоже, не воевали еще никогда.

1 апреля, как раз в День смеха, Борис Николаевич Ельцин подписал указ о прекращении боевых действий в Чечне.

Вчера – голосуй или проиграешь! – начался «предвыборный» «поэтапный вывод войск», ну а сегодня у села Ярыш-Марды попала в засаду колонна наших солдат, погибло более 70 человек.

Впрочем, в предвыборном штабе Ельцина эти потери, возможно, учитывали.

Не такая уж это и большая цена, если разобраться, за выборы Бориса Николаевича на новый срок...

16 апреля 1996 года, Санкт-Петербург

МАРШ МЕРТВЫХ КОМАНД

Приехала Антонина Ильинична Пикуль... Встретились мы в библиотеке Александра Блока и оттуда поехали в «Народную правду».

Антонина Ильинична хлопочет в Питере об ус-

тановке мемориальной доски Валентину Саввичу. Рассказывая о своих хлопотах, вспомнила она о портрете Пикуля, который автор его, Анатолий Набатов, поместил на своей выставке в «Белом доме» осенью 1993 года.

Немигающими глазами смотрел Валентин Саввич с набатовского портрета на рвущиеся в коридорах парламента снаряды, на гибнущих людей...

И как-то удивительно точно сходился этот рассказ со стихотворением «Марш мертвых команд», переданным Антониной Ильиничной для публикации в газете.

– Кто посмел тосковать о суще?
Забудьте думать и не горюйте.
Номер приказа... Секретно... Слушай...
Всем, всем, всем, кто похоронен на грунте:
«Товарищи матросы, старшины,
В годовщину славной ПОБЕДЫ нашей
Флагман разрешает раздрайт двери
И распахнуть горловины настежь.
Рыб и чудовищ морской пучины
Через пробоины гнать косяком,
Бушлаты заштопать нитями тины,
Бляхи надраить золотым песком...»

Конечно, прежде всего Валентин Саввич был романистом, но я, читая его «Марш мертвых команд», понял, что без этого стихотворения Пикуль был бы не полон. Удивительной мужественности стихотворения явно не хватает нам, почти уже свыкшимся за годы, прошедшие без Пикуля, с предательством и компромиссами.

*И, как приказано, – в полночь,
Мы поручни трапов на ощупь хватали,
Тонули мы молча, падали молча
И молча всплывали, всплывали, всплывали...*

Уже дома, составив вступление, я начал перепечатывать само стихотворение:

*Проходим мы морем Баренца,
И Черным, и Белым, и Балтикой,
Нам уже никогда не состариться,
Никогда нам не мерзнуть в Арктике.*

*Поднявшись над палубной кровлей,
Мы год уж который подряд
На волнах, пропитанных кровью,
Проводим привычный парад...*

– когда передали по радио, что в окрестностях села Гехи-Чу убит чеченский генерал Джохар Дудаев.

Это известие попало как раз на строки Валентина Саввича:

*Но если внукам придется с врагом
Сойтись в час решающей мести,
Ждите нас – мы снова всплыем,
Но уже с кораблями вместе...*

Поразительно – всего шесть лет назад оборвалась жизнь Валентина Саввича, а кажется, это совсем в другой стране, в другой эпохе случилось...

22 апреля 1996 года, Санкт-Петербург

ЗАЯВЛЕНИЕ

В поезде прочитал в «Независимой газете» обращение «Выйти из тупика!», призывающее предотвратить конфликты, угрожающие интересам России.

Очень трогательной забота об интересах России выглядела в устах людей, многие из которых – под обращением стоят подписи Бориса Абрамовича Березовского, Владимира Александровича Гусинского, Владимира Олеговича Потанина, Александра Павловича Смоленского, Михаила Маратовича Фридмана, Михаила Борисовича Ходорковского, Леонида Борисовича Невзлина! – всё это время целеустремленно «пишили» основные государственные активы...

Трогательным было и требование их прекратить «оплевывание исторического пути России и ее святынь, растаптывание советского периода истории России».

Но больше всего поразило – «Мы понимаем коммунистов и признаем их политическую роль как выразителей интересов социальных групп, пострадавших в ходе непростых, а часто и ошибочных реформ!» – стремление изобразить понимание и сочувствие к страданиям народа.

Однако завершилось это обращение братьев-олигархов прямой угрозой.

«Мы не хотим заниматься изнурительной и бесплодной педагогикой! Те, кто посягает на российскую государственность, ставя на идеологический реваншизм, на социальную конфронтацию, должны понимать, что отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия и на слишком беспрincipных, и на слишком бескомпромиссных политиков».

Угроза адресована Геннадию Андреевичу Зюганову, но право же, текст этот является еще и памятником самой идеологии наших приватизаторов, стремящихся быть не слишком беспрincipными и не слишком бескомпромиссными

участниками разворовывания общенародного достояния.

27 апреля 1996 года, Москва

НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ

Кто писал художественные тексты, знает, что по собственному хотению выбрать имя персонажу невозможно.

Порою бывает, начнешь писать рассказ, но проходит несколько страниц и останавливаешься, понимая, что героя зовут совсем по-другому.

Вот так и с рассказом «Причт», который пишу сейчас, получилось.

Вообще-то, он связан с отцом Геннадием Белоловым, но у меня уже целый цикл рассказов, где герой – священник Геннадий, и в «Причте» я попытался обозначить своего персонажа иначе, но ничегошеньки не получилось, еще чуть-чуть, и вообще бы рассказ испортил.

Вроде сплошная мистика, но если задуматься, многое объяснимо тут.

Имя героя соседствует с другими словами, перекликается с ними, растворяется в созвучии слов. А созвучия эти и образуют рассказ, и если имя героя угадано неверно, персонаж будет выпадать из согласованного звучания, из своего характера, из самого рассказа.

И, может быть, это в самом храме языка и происходит таинство крещения героя, когда он, рожденный в сознании автора, становится таким же реальным, как и другие живущие не в рассказе, а в реальной жизни люди...

1 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ВСТРЕЧА В НЕВСКОЙ ДУБРОВКЕ

Ездил сегодня с Колей Тамби в Невскую Дубровку к Валентине Алексеевне Рубцовой, жене Альберта Михайловича Рубцова, пропавшего неведомо где.

Она совсем плохо видит.

Держась за крышку стола, чтобы не потеряться в пространстве квартиры, рассказывала она, как, уезжая в 1965 году в Москву, сказал Николай Михайлович Рубцов о своей смерти в крещенские морозы...

– И даже заежился, так холодно ему стало. Но ты не бойся, Валентина, сказал, гонорар придет, рассчитаюсь с тобой! Брось ты, говорю, помирать собираешься, дак рассчитаешься... Он задумался чего-то, а потом засмеялся и сказал: «Ты, Валентина, не беспокойся. Я и умру, а все равно рассчитаюсь...» Вон там он стоял и говорил это...

Еще рассказала Валентина Алексеевна о сне, который увидела в январе 1971 года:

– Будто в Москве я... Стою на главной площади,

на самой главной. Большая такая площадь, может быть, Красная. И народу на ней битком. И очень мне странно, молчит весь народ. Только крестится... А буквально через три дня письмо пришло из Вологды... Софья Андриановна сообщила, что убили Николая. Женщина какая-то убила... Не знаю уж, чего мне Москва приснилась тогда? Может, потому, что из Москвы его хоронить приезжали?

— А вы сами-то были когда-нибудь в Москве? — спросил я.

— Нет... Только во сне видела...

И, продолжая держаться за столешницу, Валентина Алексеевна повернула голову к окну, возле которого стоял Николай Михайлович Рубцов, когда зачем-то начал рассказывать о крещенских морозах, в которые предстоит умереть ему.

И замерла...

Может, увидела что-то из давних лет своими глазами, способными сейчас смотреть только в прошлое.

— А в каком году умер Альберт Михайлович? — уже прощаясь, спросил я.

— А что?! — испугалась Валентина Алексеевна. — Он умер??!

И мы долго убеждали ее, что не знаем ничего о смерти Альbertа Михайловича, просто из ее рассказа возникло у нас такое ощущение³. Ведь если не развелся и не умер, то должен был бы объявиться как-то за эти десятилетия.

— Нет... — покачала головой Валентина Алексеевна. — Последние двадцать лет ничего не слышала о нем. Вначале еще ждала, а сейчас нет. Сейчас как и ни к чему уже приезжать ему. Мне бы только теперь не подселили никого, а то не знаю, как с соседями слепая жить буду.

3 мая 1996 года, Невская Дубровка

МИЛЛИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Получил сегодня в «То да се» 600000 рублей и еще в «Народной правде» за фельетоны — 300000 рублей.

Пришел перевод из «Нашего современника» за № 3 и 4 с «Гибелю красных Моисеев» 1 581 000 рублей. Правда, 158 000 пришлось заплатить за сам перевод, но все равно больше двух миллионов за месяц собралось.

Зашел в магазин, купил то, что написала Марина: пачка сигарет «LM» — 2 250 рублей; банка маслин без косточек (400 г) — 7 100 рублей; банка баклажанной икры (440 г) — 4 100; бутылка боржоми — 4000; мороженый хек (1 кг) — 11 000 рублей; бананы (1 кг) — 6 500 рублей.

На 30 950 рублей покупок вышло.

Если каждый день так отовариваться, как раз миллиона и хватит на месяц.

Правда, тогда без мяса придется жить...

7 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ИГРУШКИ

Вчера допоздна доделывал главу про Николая II для «Игрушек русских императоров».

Потом долго не мог заснуть, думал...

Да... Надо жить сосредоточенней и четче.

Только почему-то эти мысли приходят в голову, когда жизнь начинает налаживаться... А пока трудно жить, мыслей этих как бы и нет, куда-то пропадают они...

Не высавшись, понес в редакцию «Невского проспекта» доделанную главу.

По всему городу — избирательная кампания, все зарабатывают деньги.

Больше, кажется, в городе и не занимаются ничем.

«Невский проспект» — тоже на деньгах избирательной кампании восставшая из небытия газета. И вот хотя и не предвыборная она совсем по своему духу, а платят больше, чем в «Народной правде»...

12 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ДВА ПИСЬМА

Из редакции «Нашего современника» передали целую пачку писем от читателей моей повести «Гибель красных Моисеев».

«Почему у нас в России свободной, демократической, такой беспредел преступности, беззакония, безответственности, хаоса? — задает вопрос ветеран труда и инвалид ВОВ из Майкопа В. Самсонов и сам же отвечает на него: — Только потому, что открыла рот вся нечисть, которая при большевиках справедливо изгонялась. Прочитал пошлую статью публициста-прокуратора Николая Коняева «Гибель красных Моисеев». Что толкнуло его на такую клевету? Ненависть или затмение разума после Божьего наказания...»

А вот письмо от другого инвалида Великой Отечественной войны, доктора технических наук, профессора академии сельскохозяйственного машиностроения из Ростова-на-Дону Евгения Васильевича Лыкова:

«Дорогой писатель Николай Коняев! Я и мои друзья-читатели сердечно благодарим Вас за прекрасное и очень важное для налаживания русской жизни произведение «Гибель красных Моисеев». За последние четыре месяца мы совместно с молодежью — студентами и аспирантами — многоократно обсуждали эту грандиозную панораму страдания русского народа в Петрограде при установлении

власти большевиков. Конечно, многое прояснилось в наших мозгах, и главное – Ваше произведение учит на примерах тому бранному состоянию, которое всегда должно быть у русских людей... Вы очень интересно и гениально доходчиво показали весь зловещий механизм, который гнул русского человека в Питере и пригнул-таки его к гражданской войне, которая не окончена и по сию пору... Правда и справедливость Вашей книги учит нас действовать в современной обстановке...»

Я выбрал эти два письма потому, что оба они – от участников Великой Отечественной войны...

Тогда оба они сражались на одной стороне...
А сейчас?

14 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ПРЕДВЫБОРНЫЕ СТРАДАНИЯ

Прошел – голосуй или проиграешь! – первый тур выборов губернатора Санкт-Петербурга.

Во второй тур вышел действующий губернатор Анатолий Собчак, набравший 29%, и бывший вице-губернатор Владимир Яковлев (21,6%).

Столкнулся сегодня на улице со знакомым из Союза писателей Санкт-Петербурга.

Лицо его в обычную пору хамоватое, сегодня было грустным, и вообще вид у знакомого был какой-то растерянный.

– Как дела? – спросил.

– А! – ответил знакомый. – Надоело всё! Вон она у меня где, демократия ваша, сидит!

И он провел рукой по горлу.

– Почему это демократия моей вдруг стала? – удивился я. – Вроде это ты за демократию стоял. Ты же сам и ругал меня раньше за нелюбовь к ней...

– Раньше, – скривился знакомый. – Раньше и разговор другой был. А сейчас совсем жизни не стало с демократией вашей.

И пошел дальше.

Лицо чуть-чуть хамоватое, но все равно грустное...

19 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ПРИШЛО ЛЕТО

Вчера получил еще один миллион в «Александрипринте», а сегодня проводил организованную Комитетом защиты культуры народов России конференцию «Зашита чистоты, возрождение и развитие русского слова».

Конференция была организована по благословению митрополита и прошла на удивление хорошо.

Народ собрался солидный, выступали протоиерей Николай Головкин и народный художник России Михаил Аникушин, адмирал Борис Попов и священник Алексей Мороз, много было докторов наук...

С обязанностями председательствующего я спра-

вился, да и доклад мой «Язык, как храм» – «Мы часто говорим о Покровах Божьей Матери, простертых над Россией. Мне кажется, что русский язык есть эти Покрова» – тоже был принят тепло.

Потом выпивали с Андреем Ребровым в заросшем травой Университетском садике.

Я говорил, как хорошо, что конференция наша прошла в стороне от площади Сахарова, Андрей пробубнил в ответ, дескать, о другом надо думать.

– О чем?

– А я откуда знаю, о чем? Ты сказал, вот и думай... Журчала вода.

Уже пришло лето...

24 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ПРИБАВКА К ГОНОРАРУ

Сутра собирался заняться «Последними днями», но пришел художник Володя Монахов, а потом отец Николай Головкин. Говорили с ним об издании сборника докладов, прозвучавших на нашей конференции по языку.

Потом пошел в «Народную правду». Взял газету со своими фельетонами. Тираж – 200 000 экземпляров.

Напрасно я грешил на «Народную правду» – заплатили за фельетоны 400 000 рублей.

Обидно, конечно, но в «Санкт-Петербургских ведомостях» мне никогда столько не платили.

Впрочем, наверняка ведь и еще что-нибудь, кроме увольнения из «Ведомостей», к такому гонорару из «Народной правды» будет приложено.

Ну и что ж...

Нам ли, миллионерам, горевать об этом?

29 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ДЕБАТЫ

По телевизору показывали дебаты между А.А.Собчаком и В.А.Яковлевым.

Анатолий Александрович перепутал, видимо показалось ему, что он совещание в Смольном проводит.

– Вы что себе позволяете?! – накинулся он на своего бывшего заместителя. – Вы видели, где ваши портреты печатают?!

И он схватил нашу «Народную правду».

– Что это такое?!

И он уже хотел отшвырнуть газету, но Владимир Анатольевич нашелся.

– Так в этой газете и ваш портрет есть! – сказал он и, выхватив газету, начал разворачивать ее на той полосе, где был напечатан и мой фельетон, и портрет Анатолия Александровича.

О, как перекосило лицо Анатолия Александровича.

Даже страшно стало, что с таким выражением и будет он губернаторствовать.

Если его выберут, конечно...

30 мая 1996 года, Санкт-Петербург

ПОЗАВЧЕРАШНЯЯ ГАЗЕТА

Прочитал сегодня в позавчерашней газете: «Анатолий Александрович Собчак способствует распространению идей православия... Он возвращает в СПб исконные традиции русского народа...»⁴

Ещё умилительнее были рассуждения о посыпках, которые петербуржцы получают благодаря демократам и, конечно же, Анатолию Александровичу Собчаку.

И, конечно же, настоящее чувство гордости – уже сообщили, что на выборах губернатора СПб победил не Собчак, а Владимир Анатольевич Яковлев! – переполняло меня, пока я читал эту позавчерашнюю газету.

Не удалось демагогам обмануть петербуржцев!

Наша «Народная правда» тоже внесла вклад, чтобы помешать сделать это.

2 июня 1996 года, Санкт-Петербург

НА СКВОЗНЯКЕ

Сегодня сидел в библиотеке, собирая даты 1990-х годов для «Хронографа».

Когда перебираешь события этого времени, как-то особенно отчетливо понимаешь, что главная доминанта демократических преобразований – полное отсутствие каких-либо нравственных норм.

Ничто так не оскорбляет наших демократов, как открытое проявление любви к России. Нашему демократу тогда кажется, что у него пытаются вытащить кошелек из кармана.

И ощущение это не обманывает их. Ведь если разобраться, то получится, что деньги они как раз и получают за то, что продают Россию. Не дадут им продавать ее, и денег у них не будет.

Форточки в библиотеке были открыты.

По читальному залу сквознячки гуляли.

Вроде и приятно, а не заметил, как продуло этим сквозняком.

Вечером – приступ люмбаго – скрутило всего.

6 июня 1996 года, Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР

Закончил очерк «Смерть в «Северной короне». Ходили в «Народную правду». Взял № 5 и получил еще 400 тысяч.

Кажется, это был последний номер...

Впрочем, в редакции говорили о том, что в этой избирательной кампании одержана победа.

Еще говорили о том, что ходят слухи, будто Анатолия Александровича Собчака собираются посадить...

Я слушал эти разговоры, а потом поймал себя на мысли, что не очень-то и радует меня результат губернаторских выборов.

Понятно, что это победа...

Только вот еще бы понять, чья это победа...

Вечером передали в «новостях» о взрыве в поезде московского метро близ станции «Тульская».

Пострадали 16 человек, трое скончались на месте, один – по дороге в больницу.

11 июня 1996 года, Санкт-Петербург

ПЕРВЫЙ ТУР ВЫБОРОВ

Последние дни редактировал материалы конференции по языку для сборника, который мы решили издать с отцом Николаем Головкиным.

Дописал для брошюры «Смерть в «Северной короне» сцену похорон владыки Иоанна.

Вчера была Неделя Всех святых, в земле Российской просиявших, вчера прошли выборы президента.

Результаты «благопристойные», хотя, очевидно, и фальсифицированные. Во второй тур вышли Борис Николаевич Ельцин (34,82% голосов) и Геннадий Андреевич Зюганов (32,13% голосов). Александр Иванович Лебедь (14,71% голосов) занял третье место.

У меня опять приступ остеохондроза.

Теперь – вот это: голосуй или проиграешь! – скрючило шею.

17 июня 1996 года, Санкт-Петербург

ЛЕБЕДЬ – ЭТО ГУСЬ

Уже давно появилось ощущение, что самое главное для ельцинских генералов – это умение уверенно, с честными лицами, не лишенными даже некоего благородства, произносить ложь, которую им приказано произносить...

Понятно, что у Бориса Николаевича Ельцина особо не забалуешься, но генерал Александр Иванович Лебедь перещеголял всех.

Вчера Ельцин сместил с поста министра обороны своего верного Павла Сергеевича Грачева, а сегодня Александр Иванович Лебедь объявил, что передает – как это, интересно, возможно? – свои собранные в первом туре голоса Борису Николаевичу Ельцину, и тут же, не отходя от кассы, то бишь от объектива телекамеры, был назначен секретарем Совета Безопасности Российской Федерации и помощником президента по национальной безопасности.

– Ну и Александр Иванович! – услышал я сегодня в автобусе. – Ну и гусь!

Да уж...

Редкий гусь этот Лебедь.

18 июня 1996 года, Санкт-Петербург

ПУСКАЙ БУДЕТ

Получил 1 550 000 в «Александр-принте». Там же – голосуй или проиграешь! – и разговор о выборах.

Все чрезвычайно радуются, что во втором туре выборов Ельцину удается не только доминировать в информационном пространстве, но еще и блокировать с помощью генерала Лебедя возможные ходы «государственника» Зюганова.

– А что, вам Ельцин нравится? – спросил я.

– Нет, конечно... – ответили мне. – Но Зюганов нравится еще меньше, так что пускай уж Ельцин будет...

Слушая эти разговоры, я почему-то вспомнил своих прежних друзей-диссидентов.

В семидесятые годы мы были вместе, тогда можно было не соотносить свое поведение с государственностью, потому что государство было намного прочнее, чем всё наше фрондерство.

Потом нас разделили горбачевские перестройки...

Мои прежние товарищи продолжали играть, фрондировать, «не участвовать», но оставаться с ними означало отказаться от России, более того – стоять против России.

Теперь, после всех ельцинских реформ, когда государство почти уже разрушено, Россия крайне нуждается в каждом из своих сыновей, и сейчас стоять в стороне, наблюдая, как она гибнет, это уже самое настоящее предательство...

Покинув издательство, встретил Женю Попова и выпил с ним, поминая и прежних гусей-товарищей, и генералов, превратившихся в гусей...

Еще говорили, что неизвестно, хорошо или плохо, если победит Зюганов со своей верностью делу Ленина.

Может быть, потом еще и пожалеем об этом...

Но тогда ничего уже нельзя будет поправить...

Потом, когда уже сидели у меня на квартире, зашел Борис М., с которым мы уже больше года не виделись.

Выпил с нами пару рюмок и пригласил посмотреть его новую квартиру.

Квартира шикарная оказалась.

Впрочем, и на Невском проспекте квартира, которую Борис получил еще во времена работы в обкоме партии, тоже совсем неплоха была.

– А ее куда? – спросил я. – Продал?

– Зачем продавать... – сказал Борис. – Пускай тоже будет...

19 июня 1996 года, Санкт-Петербург

РУССКИЕ ПУТИ

Какая-то грязная – голосуй или проиграешь! – суета в кремлевских верхах.

Сегодня объявили вначале о задержании двух политтехнологов, членов предвыборного штаба Ельцина – Сергея Лисовского и Аркадия Евстахьева при попытке выноса из Дома правительства коробки из-под ксерокса, в которой находилось 538 тысяч долларов.

Но Александр Лебедь заявил, что «любая попытка мятежа будет подавлена с предельной жестокостью», и ближайшие сподвижники Б.Н. Ельцина – руководитель службы безопасности президента Александр Коржаков, председатель федеральной службы безопасности Михаил Барсуков, первый вице-премьер Олег Сосковец – отправились в отставку.

Странное ощущение от этой грязи...

И страшновато порою, что победит Зюганов, но еще страшнее, если ему не дадут победить, если объявит, что победил Ельцин.

Хотя и тут тоже возможны пути...

Первый, если Ельцин объявит, что народ поддерживает его, что всё нравится народу и поэтому он вернет к власти самых махровых реформаторов. Просто мерзко становится на душе, когда представляешь тот вой, который поднимут они, торжествуя победу.

Но есть и другой путь...

Ельцин может объявить, что реформаторы и виноваты во всем, и потихоньку рассказать их по тюрьмам, благо, что сажать наших реформаторов по любому законодательству можно, хоть по советскому, хоть по американскому на вполне законных основаниях. И тогда и любовь народная появится, и общественный мир установится...

Разные, конечно, пути...

Но и тот и другой – русские.

А значит – возможные...

20 июня 1996 года, Санкт-Петербург

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ

Ездил к протоиерою Николаю Головкину за деньгами на печатание материалов нашей конференции по языку...

Удивительно ёмким сделалось время...

Вспоминаешь, что было год назад, и кажется, будто прошли десятилетия. Ну, а события, отделенные десятилетием, – это уже совсем другая эпоха.

Даже и жили тогда совсем в другой стране...

Иногда кажется, что жить в СССР было лучше. У каждого человека была уверенность в завтрашнем дне, жизнь была спокойней, но...

Вот об этом «но» и думал я, слушая рассказы протоиерея Николая Головкина...

1

– Тогда, в девяностом году, кажется, еще ничего и не возвращали Церкви... – рассказывал он. – А я начал хлопотать, и мне повезло. Директор Музея религии и атеизма проконсультировался с министром культуры и решил передать Софийскому храму облачения и шестьдесят пять икон. Так получилось, что вскоре я в другой храм перешел и иконы эти уже отец Геннадий Зверев получил...

Но я про другое...

Когда только стало известно о решении министра, радость у нас наступила великая. Митрополит Алексий, нынешний патриарх, тоже обрадовался, потому что это первая ласточка была... Не передавали еще ничего... И вот вызывает меня к себе митрополит и говорит, дескать, у тебя с ними наладился контакт, попробуй разузнать, сохранились ли мощи святого благоверного князя Александра Невского? Только осторожно, не спугни их! Помни, что бывали случаи, когда специально уничтожали мощи святых угодников...

Протоиерей Николай Головкин замолчал, задумавшись.

Молчал и я, с трудом пытаясь припомнить те немыслимо далекие времена.

– Неужели это в девяностом году было? – испренне удивился я. – Так недавно?

– В девяностом... – сказал отец Николай. – В самом начале... Я как раз в храм Александра Невского перешел служить...

И вот однажды, после литургии, я говорю прихожанам: «Помолитесь теперь, православные, обо мне! Ведь сейчас я пойду в музей, просить буду, чтобы они мощи нашего святого благоверного князя вернули...»

Встали мы на колени, молимся, а у меня по щекам слезы текут. Думаю: «Надо же... Я – грешный человек, а такого святого мощи обрести хочу... Что же это Владыка своим умом думает? Неужто другого, более достойного человека, для такого дела не нашлось?»

2

Но обошлось все, слава Богу.

И мощи, как выяснилось, целы были. И договориться удалось, что посреди Казанского собора их выставят, когда Владыка прибудет...

На Великом посту, в среду, Владыка в Казанский собор приехал.

Молебен отслужили... Тропарь спели...

Потом митрополит раку открыл. Выложил из нее мощи святые на стол. Осмотрели их. Потом назад собрали и запечатали, как положено, раку.

И вот... Митрополит уж отошел, а я смотрю и вижу – на белой скатерти точечка какая-то чернеет...

Я ее пальцем взял, показываю всем и говорю:

– Частичка!

Владыка тогда благословил меня взять ее.

– Это, – говорит, – награда тебе за труды!

Все на меня смотрят, а я стою, частичку святых мощей держу в пальцах и не знаю, что делать теперь. Сунул руку в карман, а там – чистый конверт оказался. Жена мне его, когда из дома уходил, зачем-то засунула, как будто знала, что будет...

Я в конверт эту частичку и опустил...

Потом в крест ее вставил...

– Да... – улыбаясь, сказал отец Николай. – Там ведь еще историк один был. Он рядом со мной стоял... И когда я частичку в конверт вложил, он засуетился... Начал скатерть осматривать. Пере-вернулся даже...

– Как же так? – говорит. – Я ведь рядом стоял... Почему не я частичку увидел?!

И погасла улыбка отца Николая, унося с собою нездачливого историка.

Отец Николай перекрестился и проговорил:

– О, святой благоверный великий княже Александр! От благоговейных сердец приносимую ти, аще и недостойную, хвалебную песнь сию, приеми от нас, яко усердную жертву сердец любящих тя и ублажающих святую память твою... Вот такое чудо произошло. Я начал хлопотать о возвращении мощей, и мне же, грешному, и досталась частичка их... Один я ее тогда на скатерти и разглядел...

3

Чудо обретения отцом Николаем частички мощей святого благоверного князя однако на этом не завершилось.

На следующий день, проходя по храму, он услышал странный разговор.

– Вроде этот батюшка... – говорила одна женщина, глядя на отца Николая.

– Этот-этот! Я сразу узнала... – отвечала другая.

Разговор отцу Николаю показался странным, потому что женщин он видел впервые.

После службы они подошли к нему...

Женщины эти были незнакомы друг с другом...

В церковь они ходили, хотя и не выбрали пока еще постоянного храма.

И вот увидели во сне святого благоверного князя

Александра Невского. Он и привел их во сне к церкви, где служил отец Николай...

Несколько дней потом искали женщины эту церковь и сегодня нашли.

Одновременно нашли...

— Такую вот историю женщины мне поведали... — завершая рассказ, проговорил отец Николай.

— А почему они говорили, что вас узнали? — спросил я.

— Так они во снах своих и батюшку видели в церкви. Вот и показалось им, что на меня похож... А может, и не показалось. Я, когда сны им эти снились, как раз и надел на себя крест с частичкой мощей святого благоверного князя...

23 июня 1996 года, Санкт-Петербург

ВТОРОЙ СРОК

Второй тур выборов президента. Рабочий день — голосуй или проиграешь! — объявлен выходным.

С утра по телевизору крутят заключительные серии «Секрета тропиканки».

Встретил на ярмарке Алекся Кожедуба и Владислава Смирнова-Денисова.

Сидели, пили.

Еще не пьяные были, когда стало понятно, что добавили-таки господа политтехнологи голосов Борису Николаевичу, впаяли России второй срок Ельцина.

3 июля 1996 года, Санкт-Петербург

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Собираясь в Вознесенье, написал рассказ «Миндальные пирожные».

Ходил в «Александр-принт» за своим очередным миллионом рублей.

Александр Завенович сверился с документами, достал деньги из ящика стола и спросил, как я голосовал на выборах.

Ну и вопросик!

Я, впрочем, не смущился, сказал, что голосовал за Зюганова.

Рука Александра Завеновича дрогнула, отсчитывая купюры, однако ошибки он не сделал, всё точно отсчитал.

Ночью приснился ужасный сон...

Мне надо взять благословение на поездку в Вознесенье, а я не могу найти священника, потому что он живёт в Ницце.

К чему этот сон?

Благословение на поездку в Вознесенье взял у отца Николая Головкина.

6 июля 1996 года, Санкт-Петербург

Глава вторая И ЗАКОПАННЫЕ, И СОЖЖЕННЫЕ

ПРЕЖНИЕ ДОРОГИ

Раньше, когда я учился в Ленинграде, до Вознесенья можно было добраться зимою на самолете, а летом — пароходом. Тогда казалось, что поселок начинается от огражденного голубым заборчиком взлётного поля в Ковалёво, от переливающихся огнями многопалубных пароходов у речной пристани...

Потом отменили самолеты...

Потом сняли с линии пассажирские теплоходы, и только автобус и остался.

Теперь садишься вечером на «Икарус» на Обводном канале, и хотя долго еще, выбираясь из города, крутится автобус по переулкам и проспектам, но кажется — ты уже в поселке...

Обязательно рядом окажется кто-то с забытым, но все равно знакомым лицом, обязательно сквозь шум мотора донесется поселковая речь. И чем ближе к Вознесению, тем отчетливее звучит она...

К пяти рекам выезжает автобус за эту ночь.

Вначале, у Кировска, переезжаем Неву, такую державную даже и здесь, в верховьях.

Потом — древний и всегда седой, покрытый белыми гребешками Волхов...

Дальше — простовато-задушевную Пашу и извилистую Сясь...

И, наконец, у Лодейного Поля выезжаем к суро-вой Свири.

За одну ночь постоять на берегу пяти таких рек разве этого мало?

Встанешь на берегу и думаешь, как это — уметь и разлиться рекою?

А ведь была и такая на Руси удалъ! И умирали богатыри, и разливались реками...

И вот, даже и не знаешь, как зовут речушку или ручеек, а всё равно смотришь и пытаешься не глазами, а душою запомнить, как за зелеными лапами елок, за серыми стволами осин, поигрывая на валунах белой гривкой бурунов, бежит темная вода неведомой нам истории...

И не пейзаж перед глазами, а кажется, — сама душа нашей земли...

1

Сколько раз я проезжал по этой дороге, и каждый раз словно впервые.

И всегда в мешанине наплывающих воспоминаний, в зыбкой дремоте растворяется время, и забывается, куда едешь и зачем...

И, просыпаясь, смотришь в окошко и не можешь понять, что это?

Низкий берег... На откосе другого – дома, где-то далеко – церквушка... На реке маленький пароходик на Свирицу...

Это Паша.

И как всегда здесь ночь, и светлая звезда стоит над старой елью у перевоза, и вода в реке темна...

Помню, последний раз я стоял здесь, когда ехал посмотреть, что осталось после пожара от нашего поселкового дома...

Стоял, смотрел на темную воду и пытался вспомнить что-то, но не мог вспомнить, что нужно вспомнить...

– Не... Это не Паша, – врывается в эти воспоминания доносящееся из-за спины бормотание пьяных парней. – Пашу проехали, когда вторую пол-литру открыли!

И снова задремываешь под разговор об исчезнувших бутылках.

И снова сквозь полусон, полузабытье, как затянутые зыбким туманом поля за Сясьстроем, наплывают воспоминания о матери.

Вспоминается не лицо ее, не голос, а она сама... Словно встала мама в плывущем над полями тумане, и это к ней и мчится сквозь ночь наш автобус...

А снова очнешься уже в Лодейном Поле, где холодная румянная заря всегда встает из-за черных деревьев, где светло вымелькивает из-за серых крыш Свири. И вот уже и вся она на виду – светлая, зеркально-тихая, а автобус мчится дальше сквозь прожитые годы...

2

Большую часть своей жизни я прожил в больших городах, объездил всю страну, но всегда Свири была рядом. Порою мне кажется, что я никогда и не уезжал от нее.

Наверное, это ощущение и называется чувством Родины.

Холодная северная река...

Небольшой поселок, вставший у истока Свири...

Старое кладбище, где в покосившихся могильных оградах ржавеют лучи бесчисленных заходящих солнц...

А как радостно было приезжать в Вознесенье на майские праздники!

На Свири уже была выставлена вся речная обстановка, а лёд с озера ещё не прошёл. В огородах жгут прошлогоднюю ботву, и плывет к реке чуть сладковатый дымок. Но нет-нет и потянет с озера ледяным ветерком, просквозит до озоба, но тут же снова тепло пригреет солнце...

В такие夜里 не жалко не спать.

Уже затихли за спиной неугомонные попутчики, то ли остались в Подпорожье разыскивать потерявшиеся пол-литра, то ли заснули...

Что ж...

И такая на Руси удаль – разлиться пьяными лужами – тоже встречается...

Но уже утро, конец дороги, усталость берет свое, и путаются, путаются в полуслне времена года, годы жизни.

И только задумаешься или задремлешь, и уже – кто ты, куда едешь, кто ждет тебя, дорогие близкие люди или только могилки за оградою заходящих солнышек – не разобрать...

3

Особенно много я ездил по этой дороге, когда умирала мать...

И глухими ноябрьскими ночами ездил, и снежной – мать умерла в феврале – зимой, но больше всего запомнилась октябрьская поездка...

Начинало морозить, и полная луна – ясно и широко освещала берега Невы, Волхова, Сяси, Паши, Свири – везде, где останавливался автобус, и забывалось, что уже октябрь – так светло, словно белой ночью было вокруг...

И неем ударило уже в Подпорожье, куда мы приезжаем под утро. Трава, деревья, крыши домов – всё побелело.

И туман, космами плывущий над Юксовским озером, тоже походил на иней...

А старая дорога шаталась из стороны в сторону, огибая взгорки.

Вдоль дороги стоял лес...

Посеребренные инеем елки, сосенки, и снова возникало ощущение, что это весна, кажется, что наступит утро и хлынет на землю, согревая ее, теплое солнце.

Помню, я задремал, а когда проснулся – весной или осенью, в какой год своей жизни? – уже и не вспомнить сразу.

Вот и сейчас...

Открыл глаза – и расступился лес, и за заросшими кустарником полями, сбегающими с Шуструченской горы, светло проблеснуло Онежское озеро...

Задыхаясь синеватыми выхлопами газа, вполз «Икарус» на пригорок и – всегда неожиданно, как будто впервые! – открылась озерная ширь с синеватым далеким берегом, с крохотными, словно игрушечными, застывшими на рейде самоходками.

И снова скатывается под уклон автобус, снова стеною встает лес, но уже промелькнули слева от

дороги трансформаторные будки подстанции, покачнувшись, въезжает «Икарус» на заасфальтированную улицу поселка.

И как всегда, когда проезжаешь здесь, утром...

Рассеиваются, облетают под прохладным ветерком с реки обрывки полусна, не стесняемая шумом моторов свободно звучит в автобусе поселковая речь.

– Доехавши, как можно и по-своему говорить... – подмигнул мне старичок, выгружавший из автобуса коробки. – Сын-то говорит, живи еще в Питере, батя... Только на леший след мне этот Питер нужен? Правильно я говорю?

4

Но это раньше автобус приходил в поселок утром, а теперь случилось то, чего ждали мы последние годы и чего опасались.

Автобусный рейс на Вознесенье отменили.

В поселок мы приехали на вытегорском автобусе, да и то, как сказал водитель, в последний раз – больше вытегоры в Вознесенье заезжать не будут.

Высадили нас в поселке посреди ночи, и пассажиров, кроме нас, сошло всего двое – молодой парень с девушкой. Оба в городской, современной одежде, оба как-то подчеркнуто замкнувшиеся друг на друге.

Пока мы привязывали, укрепляли на тележках поклажу, они – им нужно было попадать в зареку – стояли рядом, но разговор, даже не разговор, а так – обмен ничего не значащими фразами, дескать, на вытегорском автобусе тяжелее ехать, дескать, здесь на Свири лютые комары, уже отвыкли от них – не завязывался.

Куда-то в пустоту отчуждения падали наши слова. Ну нам-то чего?

Укрепили на тележках поклажу и, оставив пакетку стоять в комариных тучах на берегу реки, пошли в свой дом.

Не знаю...

Наверное, и в годы нашей молодости тоже не всегда удавалось найти общий язык между поколениями, но всё же такой пропасти, такого отчуждения не было.

Впрочем, это и понятно.

Тогда, чтобы устроиться в жизни, нужно было накапливать опыт, знания, умения, а всему этому можно было научиться только у старших.

Теперь другое...

Чтобы пойти торговать или пристроиться куда-нибудь охранником или ракетиром – требуются сугубо специфические умения, и, конечно, у старших поколений этим опытом не разживешься...

И, конечно, тут уже не о наших попутчиках раз-

говор, а вообще о молодых людях, что входят в жизнь в нынешние ельцинские годы. Вроде бы и здоровье, и сила на их стороне, и опытом прошлого не отягощены они, но право же, никого так сильно и так жестоко не обманывают послы нынешних правителей, как молодых.

Отсюда и настороженность...

Отсюда и замкнутость...

Не слишком-то прямой оказалась проложенная нашими демократами дорога в светлое будущее...

5

По дороге домой заглянули к тетушке.

Еще такая рань, а она уже не спит. Пока грелся чайник, пока собирала тетушка на стол, заговорило радио. Сыграли какую-то музыку – гимна теперь нет у нас! – потом начали рассказывать новости.

– Полно врать-то... – сказала тетушка репродуктору. – Дай с людьми поговорить.

И выдернула из розетки штепсель.

Ну, а у нас с дороги разговоры об автобусе... Если вытегоры не будут в Вознесенье заезжать, как в город-то вернуться?

– Раньше-то, тетушка, в Ленинград как ездили?

– Да по-разному... Летом пароходы ходили.

– Теперь только туристские пароходы ходят...

– Ну, тогда и не знаю... Тогда только по железной дороге. После войны-то в Токарях садились на поезд.

– Это сколько же пути туда было?

– Так ведь через Ежесельгу в Вязостров шли, там Свирь переезжали и до Токарей шлепали. Вёрст тридцать с лишним выходило.

– Хорошая дорога! Пожалуй, немногие захотят в поселок ездить.

– Так не для теперешних людей этот путь, Николя... – вздохнула тетушка. – От деревень тех одни названия оставились, а дороги прежние лесом заросли...

11 июля 1996 года, Вознесенье

МОРОШКА

В этом году урожай на морошку. Сейчас она уже отходит, но все равно можно ехать собирать, можно купить.

Продают морошку по 10 000 рублей за килограмм.

Дорого это или дешево?

Сразу и не сообразишь...

Килограмм огурцов в поселке стоит 5 500, помидоров – 13 500 рублей.

Банка сгущенного молока с сахаром – 5 100, банка кабачковой икры (400 г.) – 4 000 рублей...

12 июля 1996 года, Вознесенье

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Взрыв троллейбуса у станции метро «Алексеевская» в Москве. 12 человек попало в реанимацию.

Еще один взрыв произошел в Кремле, где главой Администрации президента Российской Федерации назначили Анатолия Борисовича Чубайса.

– Зачем, спрашивается, с правительства его Ельцин гнал... – сказал сегодня Виктор Мочалов.

– Так для этого и снимал, наверное...

– А что? – неожиданно сказал Виктор. – С одной стороны Лебедь, а с другой – Чубайс. Хорошо, наверно... Почти как орел двуглавый...

– Не... – сказала Нина, слушавшая наш разговор. – Если Ельцина вспомнить, трехглавый орел получается... Как Змей Горыныч...

16 июля 1996 года, Вознесенье

В ПОСЕЛКЕ

Всё время идут дожди. В доме холодно, и топить печь приходится два раза в день, как в октябре.

Это лето словно казнь для страны, хотя страна уже и так – голосуй или проиграешь! – совершила очередную попытку самоубийства с этими выборами.

Впрочем, эти мысли одолевали только первые дни.

Здесь, в поселке, у нас нет ни телевизора, ни радио, газет тоже не получаем, даже завод по соседству и тот сейчас не работает, и такая тишина здесь, что по ночам слышно, как работает электросчетчик.

17 июля 1996 года, Вознесенье

НОВЫЙ МИНИСТР

Виктор Мочалов сказал сегодня, что министром обороны России назначен Игорь Николаевич Родионов.

В бытность свою командующим войсками Закавказского военного округа и военным комендантом Тбилиси он руководил 9 апреля 1989 года разгоном демонстрации, и по этому поводу столько слез было демократической общественностью пролито, такой гвалт был учинен, что, казалось, закончилась карьера Игоря Николаевича.

А вот же как повернулось...

То ли это гуси-лебеди поспособствовали, то ли Борису Николаевичу Ельцину человек потребовался, который умеет демонстрации разгонять.

Оно, конечно, после таких выборов призадумалась, кого в министры назначать...

18 июля 1996 года, Вознесенье

СЕРИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

– **Н**е... Это у ей от второго мужа дочка... Она с больницами девку свою принесла, когда «Мануэллу» показывали. А Егора-то убили, я хорошо помню, еще когда «Тропиканка» шла...

– Да как вроде «Мануэллу» до «Тропиканки» смотрели?

– От ума ли будешь-то, Нюра? Это «Секрет тропиканки» после шел, а «Тропиканка» не... Ее до «Мануэллы» показывали...

– А хватит тебе, Вера, журава на сосну сажать...

Нешто я не помню, когда «Мануэллу» глядели. Тогда и про чеченов ничего не слыхать было, да и Егор еще не в армии был, а в поселке хулиганил...

– А сойди ты, Нюра, с шального места-то...

Я слушал этот разговор поселковых старушек и думал, что никаких иных кроме сериалов единиц отсчета времени и не осталось в современной российской истории...

Ну вот хотя бы та же война с Чечней.

Не очень и понятно, почему она ведется так.

То ли чтобы навести в республике «конституционный порядок», то ли для того, чтобы постоянно напоминать о бессилии современной России...

Ну на какой еще войне, почти уже додавив противника, останавливаются, ждут, пока он соберется с силами, а затем начинают войну заново?

И вот снова бои за Аргун, снова штурм Грозного, снова наступление на Гудермес...

Какое по счету?

Какие по счету переговоры?

Какой по счету вывод войск?

Лучше всего тут ответить словами соседки, которая на вопрос, какую по счету серию «Санта-Барбара» собирается она смотреть сегодня, сказала:

– А познай знает... Безвестную...

В путанице сериалов, в наложении их друг на друга тоже обнаруживается что-то очень адекватное ходу современной российской истории. Телевизионные сериалы путаются точно так же, как современные революции, референдумы, перевороты и выборы...

И персонажи нынешней истории подобно актерам в сериалах возникают уже в других обстоятельствах, других должностях, с другими словами и взглядами, но всё те же прежние, узнаваемые и по лицу, и по повадкам.

– Вечером-то я «Санта-Барбару» у соседки смотрю, а днем хожу в поселок, «Первую любовь» со старушками глядим... – рассказывала соседка. – Посмотрим. Потом посидим, обсудим всё... Почему так, а не как у нас? Потом придём к выводу, что если бы как у нас было, то и кина бы не получилось. Так и живём.

– А своего-то телевизора нет?

– Сломался... Сын обещал свой старый принести, да и не знаю, как брать! У него в отставке телевизор этот. А если сломается, что я сыну отдавать буду?

– Ну, если у них в отставку телевизор этот отправлен, то зачем же отдавать тогда? Сын ведь не напрокат вам телевизор даёт...

– Не напрокат, не напрокат... А только всё равно с моей пенсии не много чего отдать сможешь. Время-то нынче такое!

Тут соседка была права.

Действительно, такое время нынче...

19 июля 1996 года, Вознесенье

ОЖИДАНИЕ

Начал было возиться с записями для романа о нашей современной жизни, но остановился.

Читаю книги, думаю, словно жду чего-то.

Впрочем, может быть, и хорошо, что не пишу.

Такое ощущение, словно я разучился запоминать словами пейзаж, состояние природы – перестал думать на ее языке.

Вся природа у меня теперь из книг...

20 июля 1996 года, Вознесенье

ГЛАВНЫЕ ПОСЕЛКОВЫЕ НОВОСТИ

Хотя тётушка и говорит, что терпеть не может «размазывать», но побеседовать она любит.

И не только о своих дочерях и внуках, не только о текущих заботах, а и о том, что неизбежно ожидает всех нас...

1

Помню, однажды приехала она в Ленинград, рассказала о том, какой глубокий снег лежал в эту зиму, и сразу легче дышать стало в нашей насквозь прокуренной квартире.

И я это почувствовал, и жена.

Марина тогда очень по-простому пожаловалась вдруг тётушке, что заболел ее отец, никакие лекарства не помогают, никакое лечение и вот сейчас надо ехать к нему в Минск, а страшно...

– А чего у него? – спросила тётушка.

– Легкие... Рак легких...

Тётушка помолчала сочувственно, потом сказала, что сейчас бояться нечего. Если весну пережил, теперь до осени, до следующего ледостава дотянет.

– Почему? – спросил я.

– Так примечено, Николя... – ответила тётушка.

– Легочники обычно весной помирают, когда реки открываются. Или уже поздней осенью, когда лед на реках становится...

И так спокойно и просто сказала, словно и не о смерти шла речь. Без страха, как о самом обычном деле...

– А что ее бояться, смерти? – удивилась тётушка.

– Это молодой пока, так боишься. А потом привыкнешь!

– Как же это к смерти привыкнуть можно? – усмехнулся я.

– Дак когда каждый пригорочек о твоих годах напоминать станет, трудно будет не привыкнуть... – сказала тётушка.

2

И не так и давно этот разговор был, а совсем в другой жизни.

Теперь тётушка тоже без страха говорит о смерти, но ушло из разговоров сочувствие и сопереживание беде, теперь, хотя еще ближе приединулись поселковые смерти, появилось в рассказах тётушки какое-то переходящее в жестокость равнодушие.

Вот в начале июня повесился тётушкин сосед.

Вечером сидел у тётушки, ждал телефонного звонка, наконец позвонил внук из Петрозаводска, сказал, что не сможет приехать...

– Чайю попьешь? – спросила тётушка, когда закончился телефонный разговор.

– Нет-нет! – отказался сосед. – Пойду я.

Но не ушел, продолжал сидеть.

– Худо тебе? – спросила тётушка. – Может, скользу вызвать?

– Нет-нет! Только не в больницу... – ответил сосед и, закрыв ладонью лицо, прошептал: – Что я наделал, что я наделал!

Когда он все-таки ушел, тётушка, попив чая, решила посмотреть – закрыл ли сосед парник.

Парники были закрыты.

И свет не горел в доме.

Тётушка решила, что сосед лег спать, и ушла домой.

А утром подергала дверь, увидела, что закрыто изнутри, и начала стучать. Потом пошла за соседкой.

Вдвоем и выломали дверь.

Сосед висел в кладовке. Закоченевшая рука была поднята вверх, словно он пытался то ли ослабить петлю, то ли перекреститься.

Жутковатым был этот рассказ...

– А почему он повесился? – спросил я, когда тётушка замолчала. – Случилось что?

– Не знаю... – тётушка покачала головой. – Я ходила смотрела... Вроде всё хорошо. Парники закрыты, не замерзло ничего...

3

Но этот сосед уже пожилым повесился, на пенсии...

А вот другому соседу, Фролкину, который тоже повесился этой зимой, до пенсии было ещё далеко.

Просто безработным был, пил много, жил как придётся.

Незадолго до смерти тоже заглянул к тетушке, попросил напоить горячим чаем.

– Чего это от тебя пахнет так? – спросила тетушка, когда он сел за стол. – Сходил бы к врачу.

– Да чего ходить? Это рука гниёт... К сестре хочу в Подпорожье ехать. Там и схожу.

– Куда ты к ней поедешь, Николя? – вздохнула тетушка. – Хорошо бы здоровый приехал, помог бы. А так – больной – чего ты сестре нужен?

– Да знаю я! – ответил Фролкин.

Повесился он не дома, а в нашей старой школе, переделанной сейчас в общежитие, в комнате, где жил его приятель Борисов...

Сам хозяин два дня пропадал, а когда вернулся, то нашел Фролкина висящим в петле. Он вытащил Фролкина в коридор, и там Коля лежал еще один день, пока не начали возмущаться соседи по общежитию.

Только тогда Фролкина и похоронили.

Похоронили, как рассказывает тетушка, в старом фанерном ящике.

На кладбище везли на тележке, на которой взят с берега бидоны с водой.

4

Ну, а Коля Кисляков – мой одноклассник, не повесился.

Он сгорел от водки.

– Это еще до того, как Фролкин повесился, было... – рассказывала тетушка. – Фролкин-то и заходит ко мне утром, говорит: «Дай, бабка, вина! Коля Кисляков болеет!»

– Откуда, – тетушка сказала, – вино у меня?

– Тогда пять тысяч дай...

– И пять тысяч не дам...

Фролкин ушел тогда, а вечером тетушка с соседкой Клавой посмотреть решили сходить, чего там.

Пришли, а Коля уже померший лежит.

5

Забыв про остывший чай, слушал я эти – такие страшные и такие похожие одна на другую! – бесконечные поселковые новости...

– Николай Фёдорович Королёв умер... Марья Крысова раком болела, померла... У Ренаты муж утонул...

Бесконечным был этот печальный список...

Умирали пожилые люди и молодые. Умирали от

старости, от болезней, а еще чаще от водки, от безнадежности, от невозможности достучаться из своего отчаяния до других людей.

И всё представлял я, как тёмными осенними вечерами или зимой по сугробам бредет тетушка и ее соседка Клавдия и повсюду находят – каждый по возрасту им в сыновья бы годился! – покойников.

И ничего не могут сделать, только посмотреть да ужаснуться.

Потому что, когда эти смерти идут так тесно, почти впритык, это уже не просто несчастные случаи, это какая-то страшная война, когда и противника нет, а свои, близкие люди погибают...

И, пожалуй, эта нестихающая война и есть самая главная новость нынешней поселковой жизни!

21 июля 1996 года, Вознесенье

ПЕЧАЛЬНАЯ МЕЛОДИЯ ВРЕМЕНИ

Кто сказал, что время течёт бесшумно? Его движение не производит звуков, но душою и сердцем я отчетливо различаю эту мелодию...

Иногда кажется, что не я уехал из Вознесенья тридцать лет назад, а это нынешний поселок уехал из того Вознесенья.

Ещё в Питере, на автовокзале, лица пассажиров, толпящихся на посадке в автобус, начинают казаться знакомыми, но как ни стараешься, так и не можешь вспомнить...

Словно пеленою затягивает глаза и не проникнуть памятью сквозь эту муть. И, может быть, потому и различаешь на лицах, как будто бы знакомых тебе, только равнодушие, порою даже озлобление.

Даже страшно становится...

Но, как в музыке – пиано, повтор – уже в самом поселке, в лицах поселковых детей, в их голосах, движениях, смехе, различаешь голоса и лица своих сверстников и словно бы переносишься на десятилетия назад.

Сосредоточенно вслушиваешься на поселковых улочках в глуховатую, неясную мелодию времени, и она утешает и примиряет с прожитыми годами...

А как тихо нынче в поселке!

Завод теперь работает в четверть своей силы, и ночные и вечерние смены стали ненужными, и в этой тишине словно бы проваливаешься в детство, в далекие пятидесятые годы.

И на реке уже с трёх часов утра, как прежде, черно от лодок, вставших вдоль фарватера... Сидят и рыбачат продольниками, как в далекие годы.

Нет-нет, рыбы не стало больше. И никакой не спорт эта рыбалка. Чтобы хоть чем-то накормить семью, и сидят с самого раннего утра рыбаки на реке...

Опять-таки, как тогда, в пятидесятые годы.

Впрочем, тогда рыба всё-таки была в реке. Ну, а главное, тогда надежда была, что жизнь всё-таки изменится к лучшему.

И радостно узнавание, и так грустно от этого...

Ну разве мог я подумать, что такая печальная мелодия у нашего времени...

25 июля 1996 года, Вознесенъе

КОЛОМАЕВА СОБАКА
АКИМА КУШЛЕНСКОГО

— Посиди еще, Нина! — уговариваю двоюродную сестру. — Поговорим...

— Не-е, пойду. Уставшая, как коломаева собака, дак и не знаю, как завтра глаза процарапаю...

— Какая, какая собака?

— Коломаева...

— А что это за собака такая была? Чего она уставшая такая стала?

— Ой, чего ты глупости спрашиваешь? Говорят у нас так!

— А-а...

И уходит Нина, и остаётся только эта, непонятно откуда забежавшая собака.

Высунув на сторону язык от усталости, легла у порога, и непонятно, что с ней делать...

У тетушки тоже похожий персонаж в разговоре есть — Аким Кушленский.

Если чего-нибудь сделаешь или скажешь не так, тетушка сразу: «Аким ты Кушленский!» — корит собеседника...

— А кто такой этот Аким? — спрашиваю я. — В Остречинах у вас жил?

— Познай знает... — отвечает тетушка.

Как и Нина, которая ничего не знает о коломаевой собаке, ничего не знает тетушка об Акиме Кушленском, хотя и приводит его всегда как пример непутевого человека.

— А не помнишь, тетушка? — спрашиваю я. — Может, у него, у Акима этого, собака была Коломаева?

— Не помню... — подумав, отвечает тетушка. — Только если она Коломаева, то чего же она у Акима Кушленского делала?

Тоже верно...

Чего уставшей коломаевой собаке у непутевого Акима Кушленского делать?

Хотя с другой стороны, если столько лет высыпнув язык бегать, то и к непутевому Акиму забежать можно.

Но нет, оказывается, и к нему тоже не забегала собака эта...

28 июля 1996 года, Вознесенъе

БУДУЩИЕ КАПИТАНЫ

В Петербурге идут торжества по случаю 300-летия Российского флота.

У нас, в поселке, свои торжества.

Мальчишки у мостков водят по воде выпиленные из неструганых досок баржи-корабли.

— Всё! — объявил один, засыпав на свое судно прибрежного песка с илом. — Я уже загрузился!

— Погоди! — ломая тростник, сказал ему приятель. — Лесу тут немного наросло... Давай в Финляндию отвезем!

Не знаю, как насчёт остального, но в ассортименте нынешних грузоперевозок будущие капитаны разбираются хорошо.

Редко-редко проходят сейчас по реке самоходки... И везут сейчас в основном нефть, иногда щебень.

Еще реже — лес...

Ну, а другого трехсотлетнему Российскому флоту возить теперь нечего!

30 июля 1996 года, Вознесенъе

ЛОПАТИН

Тетушка доделала с помощью Марины пальто и сегодня пригласила нас на лепешки. Мы ели лепешки и хвалили обновку, а тетушка, убрав пальто, вытащила куртку и начала отпарывать кнопки.

— Пуговицы надо пришить, а то не застегивают-ся! — объяснила она. — Старые кнопки.

— Тетушка! — засмеялся я. — Ты чего гардероб налаживаешь? Не замуж ли собралась?

— Дац Лопатин-то приедет, то чего? За него и пойду. Это жених верный будет...

— Какой Лопатин?!

— Могилу-то, Николя, чем роют? Не знаешь?

— Знаю... — сказал я. — А ты сама, тетушка, этого Лопатина придумала? Или раньше говорили так?

Тетушка задумалась. Потом вздохнула и сказала:

— А не знаю, Николя, не помню... Старая, да вспомнишь разве чего?

Тетушка одна живет в доме.

Летом приезжают дочери, приезжают внуки, а осенью и зимой — совсем одна. Вот и появляются возле нее странные, нездешние существа. То Аким Кушленский, то Лопатин этот...

Сейчас она тоже пошла пуговицы в шкафу ис-кать, а найти не может.

— Ну что ты будешь делать? Как мень слизнул!

— Кто-кто?!

— Мень...

— Это что, мохнатенький, маленький такой?

— Ага...

— А почему мель?

— Дац если не мель, то кто же еще будет?

И снова тяжело вздохнула:

– Не помню ничего... Всё забываю, и Лопатин мой не едет чего-то.

И такой у нее нестрашный Лопатин этот, что, кажется, откроется дверь, войдет он – и не испугаешься...

Словно свой поселковый мужик заглянет...

4 августа 1996 года, Вознесенье

ТОВАРИЩИ

У соседа Виктора Мочалова кругом – одни товарищи.

И все почему-то по концлагерю.

– Есть тут товарищи у нас! – ворчит он, намекая на супругу Нину, которая денег на похмелку не даёт. – Установили порядки, понимаешь ли... Как в концлагере, мать вашу так, живу!

Птицы у него тоже товарищами стали.

– После заморозков поздно будет рябину ломать! – предупреждает он. – Товарищи прилетят, как в концлагере, ни одной ягодки, мать вашу так, не останется.

И вкладывает Виктор в слово «товарищи» самые разные оттенки – от откровенно насмешливого до предельно гневного.

– Товарищи по телевизору сулили, что дождей не будет! – говорит он, глядя на затянутое тучами небо.

– Они скажут... – вздыхаю я. – Всё небо обложено!

– Вот-вот! – соглашается Виктор. – Это по телевизору товарищи так говорят, а что скажет товарищ, который наверху, никому не известно. Как в концлагере, мать вашу так, живем у него...

12 августа 1996 года, Вознесенье

НА РОДИНЕ ПРЕПОДОБНОГО НИКИФОРА

Ездили с Мариной в Важины. Важины – это родина преподобного Никифора, основателя Важеозерского монастыря, но среди православного люда село более известно своей Воскресенской церковью, которая одно время была единственной действующей во всем огромном Подпорожском районе.

Возраст ее – три с половиной столетия...

Это немалый срок для любого здания, тем более срубленного из бревен, и, когда входишь в десятигранный летний храм, насквозь пронизанный светом, первое ощущение – зримое, материальное присутствие чуда.

В общем-то понятно, почему с таким остервенением вытаптывали большевики-ленинцы православную веру. Труднее понять, почему, закрывая одни храмы, другие они пощадили...

Впрочем, слово «пощада» здесь неуместно.

Все эти Троцкие и Луначарские, Бухарины и Хрущевы готовы были закрыть все храмы, расстрелять

или по крайней мере посадить за колючую проволоку всех православных. Просто не получилось, не удалось черной сатанинской силе загасить все свечильники, затопить темнотою всю Россию.

И Воскресенская церковь в селе Важины оказалась спасена, как думается, не по милости большевистской власти, опутавшей все Присвирье проволокой Свирилага, а может быть, как раз заступничеством преподобного Никифора Важеозерского, родившегося здесь, в Важинах...

Священник Михаил Рыбка, что служит в Воскресенской церкви, показал мне описание часовен, принадлежавших церкви в 1910 году.

В этом списке – Успенская часовня в деревне Скуратове, Рождества Богородицы – в Погре, Покровская – в Еконде, Казанская – в Верхнем Пичине, Тихвинская – в Киновицах, Вознесенская – в Кезаручье, Воздвиженская – в Верхней-Купецкой, Ильинская – в Деготной Горе, Никольская – в Ильине, Никитинская – в Юрьевщине, Киррико-Иуллиинская – в Терехове, Александровская – в Свином Наволоке, Никольская – в Мелехове, Никольско-Александровская – у пристани в Лаптевщине, Георгиевская – в Немецком, Косьмы и Демьяна – в Нисельге, Никифора-Геннадиевская – возле Устья Боярского...

Я читал, и возникало ощущение, словно лучи расходятся от церкви Воскресения Христова, озаряя округу ясным светом православия.

И, разглядывая опоясывающую церковное крыльцо надпись: «Храм построен по благотворению Великого князя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича при патриархе Филарете радением прихожан Важинского погоста», понимал я, что взаимосвязь важинской церкви с преподобным Никифором осуществляется не только через часовенку, поставленную в его имя возле Устья Боярского...

По представительству преподобного на мыске, омываемом прихотливо изгибающейся Важинкой, встала сама Воскресенская церковь. А потом, когда начались гонения на православную веру, кажется, сюда, на родину основателя, и перетек закрытый большевиками Важеозерский монастырь...

Поэтому так непоколебимо прочно стоят стены, и никакая адская сила не способна сокрушить их...

– Это верно! – согласился со мною отец Михаил. – Тем более что у нас ведь как? Каждый год на Пасху, во время литургии после крестного хода из подвала раздаются удары... Всё здание сотрясается!

– Хулиганы? – спросил я.

– Нет! – отец Михаил покачал головой. – Много раз проверяли, смотрели в подвалах. Людей там не было. Я у старцев потом спрашивал, они говорят – демоны... Чуют, что последние времена наступают.

Мы разговаривали с отцом Михаилом, стоя перед огромным пятиярусным иконостасом Воскресенской церкви, с которого из сумерек столетий смотрели на нас лики присвирских святых. И как-то особенно проникновенно звучал здесь рассказ отца Михаила о том, что, приходя в эту церковь, так легко оставаться в ней.

– Много здесь выросло батюшек... – говорил он. – Я и сам из таких. Тоже здесь вырос.

И святой Александр Свирский смотрел с иконы, как, должно быть, смотрел он некогда на преподобного Никифора Важеозерского, когда пришел тот к нему, чтобы научиться стяжать Святой дух.

13 августа 1996 года, Важины

ПРИШЛИ-ПРИЕХАЛИ...

Русский народ не любит, чтобы его защищали.

Раньше у нас ненавидели диссидентов и Солженицына, теперь ненавидят патриотов и коммунистов.

Сегодня разговорился в посёлке со своим одноклассником.

Вначале поговорили о жизни, хотя что про нынешнюю жизнь говорить? Известно ведь, что плохо жить не запретишь...

Потом одноклассник пожаловался, что теперь ему и пособие по безработице перестали платить, и на работу не устроиться. Где ее, работу эту, у нас в поселке отыщешь, если уже и лесопилки прикрыли?

Я сочувственно вздыхал, потом, чтобы перевести разговор, пожалел, что за Зюганова не проголосовали.

И тут собеседник мой даже в лице переменился.

– Упаси боже! – сказал он. – Только этого нам не надо.

– Так ты что, за Ельцина голосовал?! – спросил я.

– Вначале за Лебедя! А потом... Всё равно ведь Ельцина и выбрали...

Несколько мгновений я не мог прийти в себя от изумления.

В принципе, можно понять, почему за Ельцина голосуют предприниматели... Или, к примеру, ориентированная на запад творческая интеллигенция... Но чтобы и безработные за него отдавали голоса? Нет! Это уже не вмещалось в голову.

– Ты вот жаловался, что жизнь стала худая, – сказал я. – Говорил, что с трудоустройством не светит. Но ты ведь сам за это и проголосовал. Ты понимаешь это?

Лицо одноклассника помрачнело.

– Да пошли вы все! – тоскливо сказал он.

Ну, это что ж? Можно, конечно, и пойти. Только вот беда, что дальше идти некуда.

Уже пришли. Приехали, как говорится...

15 августа 1996 года, Вознесенье

СТРАХ

Сыро в доме... Привёз с собою пачку писчей бумаги. Два дня она полежала на столе и набухла влагой. Сыроватая стала на ощупь, начала коробиться.

Как-то странно в нашем доме и очень страшно...

Страшно проходить мимо тусклого зеркала в большой комнате, пугает чернота печи, черная щель двери. Сейчас после ремонта и после того, как переделали дом после пожара – темного стало меньше. Светло в комнатах, светло в сенях, превращенных в летнюю кухню.

Но чернота никуда не исчезла, её удалось только оттеснить, она скжаслась, превратилась в темныеочные звуки, в кошмары снов...

1

Сегодня ночью видел отца...

В белой рубашке он сидел за столом напротив меня и расспрашивал, почему я плохо сплю в доме?

Я мялся, опасаясь ответом обидеть его, и от этой неловкости и проснулся.

А только открыл глаза, вспомнил – давным-давно умер отец и похоронен на нашем кладбище, в оградке, составленной из лучей заходящего солнца.

И сердце как сумасшедшее колотилось в груди, и так странно и страшно белела в ночной темноте чистая бумага на столе...

2

Раньше я думал, что только один боюсь своего дома.

Оказалось, нет...

Боятся и сестра, и брат. Ночного одиночества в доме боялся отец, а мать, как рассказывает соседка Нина, говорила: «Не дай бог пережить отца, как жить-то буду, из дому, что ли, уходить?»

Да и сама Нина...

– Тут возле дома ночью или в сумерки... – говорит она, – иногда кажется, будто кто-то стоит за углом...

3

Где только за свою жизнь, на добрую треть состоявшую из командировок и странствий, не приходилось мне ночевать!

И в палатах, и в пустых расселенных домах, и в сторожках, и в монастырях, и вообще под открытым небом...

И, конечно, иногда и страшновато было, но такого страха, как в нашем доме, я не испытывал нигде.

И даже в городе, когда я вижу во сне вознесенский дом, всегда становилось страшно. Страшно войти, словно это не твой родной дом, а какая-то неведомая, марсианская жуть.

Почему так – понять невозможно.

Как невозможно понять и тот первый приступ страха, который испытал я в поселке, после восьмого класса.

Тогда этот страх настиг меня светлым, мешающимся с белоночными сумерками вечером на пустынной уличке, тянувшейся вдоль Свири. Непонятно было, чего я боюсь, но от этого становилось ещё страшнее. И я бешено крутит педали велосипеда, уже не понимая, куда и зачем несусь сейчас.

Только через полчаса или, может быть, через час очнулся я далеко за поселком на старой кладбищенской дороге. Развернул велосипед и медленно, с трудом поворачивая педали, старательно облезжая валуны, поехал назад.

4

Наверное, это был обычный возрастной страх, через который, порою и не замечая его или тут же забывая о нём, проходят многие подростки, когда наступает пора расстаться со счастливым ощущением своей неразделимости с окружающим миром.

С каждым происходит это «второрождение», подобное тому, как рвется – ты уже не в лоне матери, ты отдельный, самостоятельный человек – связь с материнской утробой, только теперь извергает тебя утроба окружающего мира. И ты теперь уже не ребенок, счастливо не осознающий себя. Ты – подросток, пусть и не знающий ещё: кто ты, зачем ты, но уже почувствовавший, что ты есть.

Возможно, именно с этим и связана проблема трудного возраста, когда человек предпринимает отчаянные попытки самоутверждения, когда необыкновенная жестокость мирно уживается в нем с отчаянной мечтательностью.

Потом проходит время, и человек успокаивается, окончательно превращается в хулигана или мечтателя, взрослеет, утверждается в работе, во власти над людьми, в творчестве, в собственных детях, примиряется и забывает окончательно свой страх.

Ну а мне позабыть его не удалось.

Это не тот страх, что предупреждает об опасности, это страх, от которого тяжело становится на сердце...

Может быть, он рождается от тусклого повсюду разлитого света белой ночи, сочащейся в комнатах? От тяжелой темной зелени, которой так много здесь?

А может быть, он от того, что меня нет в этой жизни, совершающейся на берегу реки, где я вырос?

5

И уснуть в этом доме мне всегда трудно.

Иногда часами лежишь в темноте с открытыми глазами и вслушиваешься в окружающие звуки. А когда сильно усташь, сразу начинают сниться жутковатые сны. Они даже и не снятся, а просто закрываешь глаза и видишь...

Вроде ничего страшного.

Какие-то люди...

Чьи-то лица...

Вот женщина...

Но странно просачивается она сквозь стены, словно нет никаких стен. И ты не сразу, но различаешь это.

И вот тогда и становится уже по-настоящему страшно, потому что сразу на тебя обращается всё их внимание. И ты понимаешь, что этого-то как раз и нельзя было различать, но уже поздно.

Пытаешься вырваться из кошмара, но они хватают тебя, гонятся за тобою.

И судорожно корчишься, пытаясь вырваться из кошмарного полусна.

И больше всего боишься, что когда-нибудь у тебя не хватит сил вырваться.

Откуда-то точно знаешь, что они не могут отпустить тех, кто видел и узнал их, кто отшатнулся от них, задрожав от ужаса...

6

И сны тоже странные в этом доме...

Вечером читал книгу о землепроходцах, как продвигались они по Сибири к Тихому океану в поиске всё новых и новых районов промысла пушного зверя, вот и сон такой.

Не то с Иваном Москвитиным говорил, не то с Василием Ермоловичем Бугром. О притоках сибирских рек беседовали, о землицах, о ясаке, о соболиных шкурках, но присмотрелся внимательней и вдруг понял, что никакой это не Москвитин передо мной, не Бугор, а очень странное существо, похожее больше на марсианина, чем на землепроходца. И говорим мы, оказывается, уже не о соболиных шкурках, а о душах людей, которые мой собеседник заготавливает.

– Для кого?

Но только страшновато улыбается собеседник в ответ и жалуется, что повыился соболек, души человеческие то есть, уже не те, не прежние стали, да и столько, как прежде, нет.

И смотрит на меня испытующе, как, должно быть, смотрели Дежневы и Хабаровы на местных жителей, ожидая, не подскажут ли новую землицу, еще не тронутую промыслом.

Но что ответить?

И знал бы такую землицу – не сказал бы, не выдал бы, сам бы побрел туда по одному мне ведомому пути...

С этим и просыпаюсь.

7

Слава богу, уже утро, уже светло...

Кончилась ночь, рассеялась темнота с ее злыми снами-видениями. В окна бьёт солнце.

Во дворе сиренево цветут кусты иван-чая.

Как будто женщина в нарядном платье пришла в гости.

25 августа 1996 года, Вознесенье

ХАСАВЮРТ

Xроника сериального времени. Просто да-ты...

6 августа отряды Шамиля Басаева, Гелисханова и Закаева под общим командованием Аслана Масхадова вошли в Грозный, а 9 августа Борис Николаевич Ельцин вступил на второй срок в должность президента Российской Федерации.

Он принял отставку правительства и направил в Думу представление о назначении председателем Правительства Российской Федерации со-беседника Шамиля Басаева Виктора Степановича Черномырдина.

Государственная дума с этим предложением согласилась.

Вот тогда-то и послал Борис Николаевич Ельцин своего верного Лебедя полномочным представителем в Чечню.

Уже 15 августа тот встретился в селении Стрыи Атаги с Зелимханом Яндарбиевым и Асланом Масхадовым.

Видя, что дело попало теперь в надежные руки, Борис Николаевич Ельцин ушел в отпуск, если верить слухам, в связи с предстоящей операцией на сердце.

Ну а ельцинский Лебедь подписал сегодня в Хасавюрте соглашение о выводе российских войск из Чечни.

Так и завершается сериал о выборах Бориса Николаевича Ельцина на второй срок...

Вечером сидел за машинкой, писал рассказ «Дом на кладбище».

30 августа 1996 года, Вознесенье

В МАГАЗИНЕ

Hесколько дней назад американцы нанесли ракетный удар по Багдаду, и сегодня об этом говорили в магазине у переправы.

– Жалостливый больно Борис Николаевич у нас! – вздохнула одна старушка.

– А чего? – спросила другая.

– Так ведь за иракцев так расстроился, что теперь ему операцию придется на сердце делать...

– Ну да... – вмешалась в этот разговор продавщица. – Больше ему расстраиваться некого. Чего, опять ничего кроме хлеба братя не будете?

– Да как пенсию-то не принесли еще... С пенсии уже крупы возьмем да сахара...

5 сентября 1996 года, Вознесенье

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Cегодня восьмое сентября, по-старому Рождество Богородицы.

И вот был сегодня в гостях, листал альбом и вдруг увидел остечинскую церковь Рождества Богородицы, стоящую посреди бескрайней, как потоп, воды.

Я помню, помню ее...

Ее хорошо было видно с проходящих мимо туристских теплоходов.

– Какое чудо, да? – заметив, что я разглядываю эту фотографию, сказала приехавшая из города дочка хозяеки. – Только в сказке и бывает... Посреди воды, в дикой глухомани, такое чудо построили!

Я не стал поправлять восторженную молодую женщину. Не стал рассказывать, что церковь Рождества Богородицы не посреди воды строилась, а в центре большого и богатого села Остречины, ушедшего сейчас под воду Ивинского водохранилища...

Пронзительно-страшный смысл русского Рождества Богородицы запечатлела лежащая передо мной фотография...

Посреди дикой нежили и глухомани...

Посреди бескрайних, как потоп, вод...

8 сентября 1996 года, Санкт-Петербург

ХОРОШИЙ ЗАРАБОТОК

Tерроризм в нашей стране становится доходной специальностью.

Чеченский джигит захватил в аэропорту Махачкалы автобус с заложниками и потребовал сто тысяч долларов.

Депутат Народного собрания Дагестана Гаджи Махачев уговорил террориста отпустить заложников в обмен на обещание доставить его в Чечню на своем автомобиле.

Террористу передали 60 миллионов рублей, с которыми он и скрылся в горах.

16 сентября 1996 года, Санкт-Петербург

И ЗАКОПАННЫЕ, И СОЖЖЕННЫЕ

Вчера ходил в «Александр-принт». Забрал корректуру, получил расчет по «Хронографу».

Вроде бы ничего не изменилось. Книга набрана, надо порадоваться вместе, но нет, что-то изменилось.

Натянутость, которая возникла в разговоре с Александром Завеновичем на второй день после выборов Ельцина, так, кажется, и не ушла никуда.

И вот получилось так, что день в день совпало завершение работы в этом издательстве с началом работы в другом.

Сегодня отнес в «Азбуку» заявку на исторический роман из эпохи царя Алексея Михайловича «И закопанные, и сожженные» и заключил договор.

Авансом они выдают тысячу долларов.

Еще замечательнее то, что я и сам уже давным-давно собирался засесть за эту книгу.

19 сентября 1996 года, Санкт-Петербург

ВАРЯЖСКАЯ УЛИЦА

Ездили с Петром Кожевниковым в Старую Ладогу.

Сначала долго искали его знакомых реставраторов.

В поисках прошли по Варяжской улице, что проложена параллельно Волхову, от Олегова кургана до крепости.

Такая тихая, такая тенистая, такая древняя...

Можно сказать – первая улица Руси.

В позапрошлом веке в Старую Ладогу, в гости к местному коллекционеру Алексею Томилову, приезжали Кипренский и Айвазовский, Рерих и Кустодиев.

Они создали множество картин с видами этих мест, и пока идешь по Варяжской улице и смотришь на Волхов, порою возникает ощущение, что идешь по картинной галерее.

Но, конечно, самое замечательное в Старой Ладоге – это Георгиевская церковь.

Ослепительно белая, строгая и очень маленькая, она стоит так, что откуда ее не снимай, все равно получается художественно законченный пейзаж. Любое время суток, любую погоду уравновешивает она своей красотой, выправляет своей гармонией даже самый неудачный ракурс.

А на другом конце Варяжской улицы – мы вернулись туда! – Малышева гора, церковь Рождества Иоанна Предтечи.

На стене объявление: «В продажу поступили иконы от болезни, от порчи, для успеха в делах, для материального благополучия, для борьбы с пьянством и алкоголизмом».

Объявление адресовано жителям Старой Ладоги, отделенным от Волхова Варяжской улицей, но там объявления этого, видно, не читали...

Смотреть сюда страшно – всюду разруха и запустение.

Дома – памятники архитектуры – стоят с выбитыми окнами, на стенах – трещины... Ни материальным благополучием, ни попытками борьбы с пьянством здесь и не пахнет.

Существует предание, что на холме, где возвышается сейчас храм Иоанна Предтечи, раньше было языческое капище бога Молоха, которому приносили в жертву детей.

С тех пор и стали называть взгорок Малышевой горой.

Случайно – случайно ли? – но получилось так, что в начале девяностых годов, когда в жертву богу Молоху начали приноситься русские семьи, на этой Малышевой горе в стороне от Варяжской улицы и организовал иеромонах Евстафий в церкви Рождества Иоанна Предтечи детский приход, собирая в нем детей, позабытых своими спившимися родителями...

6 октября 1996 года, Старая Ладога

КСЕРОКС

Раньше порядок был такой: писатель предлагал повесть, роман, рассказ и редакция его принимала или не принимала, но если не принимала, то рукопись, как правило, возвращала.

Сейчас никто рукописей не возвращает, и неизвестно, рассматривают ли их.

Уже несколько раз у меня пропадали тексты.

Конечно, нельзя последний экземпляр отсылать.

Но перепечатывать тексты себе в запас – тоже безумие.

Слава богу, техника идет в ногу с наступающим бардаком и безответственностью.

Пошли сегодня с Мариной в магазин и купили за 599 долларов ксерокс.

Теперь никаких проблем.

Нужно отправить материал, пропустил через ксерокс первый экземпляр и посыпай, ничем не рискуя...

15 октября 1996 года, Санкт-Петербург

УЛИЦА РУБЦОВА

Ездили с Петей Кожевниковым в Невскую Дубровку снимать сюжет про улицу Рубцова.

Николай Рубцов жил в этом поселке у брата после своей службы на флоте.

Здесь писал он, посмеиваясь и над своими прежними мечтами, и ожиданиями:

*Творя бессмертное творенье,
Смиряя бойких рифм дожди,
Тружусь. И чувствую волненье
В своей прокуренной груди...*

Здесь составлял он планы будущей жизни, собираясь отныне «жить наверняка», не размениваясь ни на какие пустяки...

Впереди тогда была вся жизнь Рубцова... Впереди тогда были все его великие стихи...

Сейчас ему исполнилось бы всего шестьдесят лет, сейчас он только-только вышел бы на пенсию, но его уже давно нет, уже давно поставлены ему памятники...

И вот сейчас и в Невской Дубровке назвали его именем улицу.

Вернее, как гласит постановление главы администрации Невской Дубровки: «Дать название улице с домами литерой «Б» по Весенней и с домами № 5 и № 7 по улице 2-й Пятилетки – Николая Рубцова», скомпоновали ее...

И все равно такой чудесный выдался день.

Так просветленно все было вокруг, как будто в стихах Рубцова.

17 октября 1996 года, Невская Дубровка

ГОРБОВСКИЙ

Сегодня передали, что вместо отправленного в отставку генерала Лебедя секретарем Совета Безопасности стал бывший спикер Государственной думы Иван Петрович Рыбкин.

Такое ощущение, что это кадровое решение Бориса Николаевича отчасти было продиктовано какими-то его глубокими и тайными, не ведомыми простым людям познаниями в зоологии...

Вечером зашел Глеб Яковлевич Горбовский.

Трезвый, тихий, сосредоточенный...

Пили чай, и он рассказывал, как жил летом в деревне.

– Проснешься ночью, и кажется, что больше никого нет на земле кроме тебя...

21 октября 1996 года, Санкт-Петербург

ДЕНЬ БЕЗ ЕЛЬЦИНА

Борису Николаевичу Ельцину сделали операцию на сердце.

Целый день полномочия президента исполнял Виктор Степанович Черномырдин.

Получается, что при его президентстве и успели наши профсоюзы провести у стен Кремля стотысячный митинг протеста под лозунгом «За труд, зарплату и социальные гарантии».

1 ноября 1996 года, Санкт-Петербург

БУДУЩАЯ МИГРАНТКА

Познакомился у издателя с девочкой, которая приехала на каникулы к нам в город.

Ей всего десять лет, и она мечтает уехать из своего городка.

– В областной центр?

– Не...

– К нам, в Питер?

– Не...

– Так куда же? Неужели за границу поедешь?

– Не... Я в телевизор хочу уехать! Такой жизни, как там, мама говорит, нигде больше не найти...

2 ноября 1996 года, Санкт-Петербург

НАРКОЗ ОТХОДИТ

А наркоз не сразу отошел у Бориса Николаевича... Должно быть, не очухавшись еще от наркоза, и переименовал он седьмое ноября из праздника Октябрьской революции в День согласия и примирения.

С кем согласия? Чьего примирения?

Ответы на эти вопросы клубились, должно быть, как пары эфира, в не отошедшем от наркоза сознании.

Причастился в Казанском соборе, а вечером закончили с Мариной работу над книгой «Святые Присвирья».

10 ноября 1996 года, Санкт-Петербург

СКРЫТАЯ ПРАВДА

Почти каждый день хожу в библиотеку, читаю сборники Русского исторического общества, посвященные расколу, знакомлюсь с многотомными «Материалами для истории раскола за первое время его существования».

Все мои прежние знания об этой эпохе – землепроходцы, воссоединение Украины и России, крестьянская война Степана Разина...

Раскол я знал только по «Житию протопопа Аввакума».

И когда я писал пьесу про Аввакума, и потом, когда думал о будущем романе, самым притягательным для меня было ощущение моих русских людей, которая не вмещалась в прежние узаконенные границы, а прорывалась в неведомые пространства, как географические, так и духовные.

Ощущение моих сохраняется и сейчас, но по мере чтения открывается и другая неведомая сторона нашей истории.

Парадокс, но и при советской власти – хотя, казалось бы, какое дело атеистам до церковных проблем?! – нам навязывалась синодальная точка зрения, будто Аввакум и Неронов по невежеству своему защищали прежние испорченные

ошибками церковные обряды и книги и мешали исправить их.

Но читаяешь документы и понимаешь, что все было не совсем так, а вернее, совсем не так. Оказывается, наши церковные чины и обряды сохранились у нас в том самом виде, какими мы приняли их от греков, и это у греков они изменились и приняли другие формы.

Считается, что и тот и другой Уставы, как говорят в Церкви, равночестны, но так говорят сейчас, а в XVII веке царю Алексею Михайловичу, подзуживаемому приближенными, зачем-то потребовалось назвать сохраненные в чистоте русские православные обряды невежеством и, чтобы доказать это, ввергнуть страну в самоубийственный раскол...

И главное, зачем так долго и старательно пытались скрыть эту правду?

15 ноября 1996 года, Санкт-Петербург

ЗАВЕРШЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПЛАВАНИЯ

Вот и перевезли в Санкт-Петербург для захоронения прах мореплавателя Бориса Андреевича Вилькицкого, совершившего, как считают специалисты, последнее великое географическое открытие.

Борис Андреевич был начальником гидрографической экспедиции в Северном Ледовитом океане на судах «Таймыр» и «Вайгач» и в 1913 году открыл архипелаг, которому дал название Земли Императора Николая II.

Название это было дано не только в связи с широко праздновавшимся тогда 300-летием Дома Романовых, но еще и потому, что именно при Николае II Россия всерьез начинает заниматься обустройством тихоокеанских и североморских (Романов-на-Мурмане) рубежей.

Собственно говоря, и сама щедро финансируемая государством Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭ СЛО) Вилькицкого была нацелена на прокладку Северного морского пути, и именно по нему и было совершено тогда Борисом Андреевичем первое в России сквозное плавание.

После революции советские власти, жертвуя государственной целесообразностью, попытались стереть с карты имя императора Николая II и цесаревича Алексея (остров Малый Таймыр).

В 1918 году, чтобы не возиться с переименованием, архипелаг просто убрали с карты. Однако, когда в 1924 году американцы попытались поднять на острове Врангеля свой государственный флаг, пришлось вспомнить и забытую Землю Императора Николая II.

Нарком иностранных дел Г.В. Чicherin заявил тогда в меморандуме: «В сентябре 1916 г. Российское Правительство известило все союзные и нейтральные державы, что никеперечисленные острова составляют неотъемлемую часть российской территории, а именно: остров Генерала Вилькицкого, Земля Императора Николая II, остров Цесаревича Алексея, острова Старокадомского, Новопашенного...»

И получилось, что не только канонерка «Красный Октябрь», посланная тогда из Владивостока к острову Врангеля, обороняла от непрошенных пришельцев северные российские острова, но и царь-мученик.

Впрочем, 11 января 1926 года на заседании Президиума ВЦИК было постановлено: «Наименовать группу островов в Северном Ледовитом океане: «Земля Николая II», «Цесаревича Алексея» и «Старокадомского» – «Таймырский архипелаг». Присвоить наименования: «Земле Николая II» – «Северная Земля», острову «Цесаревича Алексея» – «Малый Таймыр»...

В 1930–1932 годах, после детального обследования архипелага экспедицией Арктического института, четыре самых крупных острова получили названия Октябрьской Революции, Большевик, Комсомолец, Пионер.

Адмирал Борис Андреевич Вилькицкий жил тогда за границей, работал таксистом...

Что он чувствовал, наблюдая, как на его Родине стирают с карты сделанные им великие географические открытия?

Теперь завершилось плаванье великого полярного адмирала.

Он вернулся на Родину.

Сегодня в 12 часов дня на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга началась торжественная церемония перезахоронения его праха.

Под оружейный салют лег Борис Андреевич Вилькицкий рядом со своим отцом и младшим братом в русскую землю.

И сияло, сияло ему такое редкое в эту пору петербургское солнце...

20 ноября 1996 года, Санкт-Петербург

НАШ ЧЕЛОВЕК

Летом мне довелось услышать рассказ протоиерея Николая Головкина об обретении моей святого благоверного князя Александра Невского. Записывая его, я и предположить не мог, что мне доведется встретиться с продолжением рассказа уже в реальной жизни.

Произошло это в Колпино, куда мы приехали на встречу с читателями.

Мы – это члены правления Союза писателей России. Представители, так сказать, патриотического направления...

Принимали нас неплохо. Послушали наши речи во Дворце культуры, показали заводской музей, потом повели на застолье.

И всё шло хорошо, пока не заговорили наши хозяева о славной истории Колпино, вернее, пока не начал рассказывать тамада о встрече мощей Александра Невского.

– Да-да! – отвечая на заданный вопрос, подтвердил он. – Здесь, в Колпино, и встречал Петр I раку с мощами, когда её привезли в Петербург! Так вот... – тамада поднял руку, призывая всех к вниманию. – Когда раку вынесли на берег, он приказал вскрыть ее...

Здесь рассказчик сделал многоизначительную паузу, усиливая интригу повествования, и только затем продолжил речь.

– Представляете?! – сказал он. – Рака оказалась пустой!

– И что же сделали? – спросил кто-то.

– Что? – рассказал улыбнулся. – Петр I приказал набрать разных костей, что валялись на берегу. Сложил их в раку и, запечатав, привёз в Петербург!

Рассказчик поднял бокал, намереваясь, по-видимому, произнести теперь тост за находчивость первого русского императора, но тут, при всем почтении к хозяевам встречи, я уже не смог промолчать.

– Скажите, – спросил я. – Вы эту историю не у Емельяна Ярославского вычитали?

– Нет! – простодушно возразил рассказчик. – Мне ее рассказал один историк. Он, когда в 1990 году вскрывали раку с мощами, сам присутствовал в Казанском соборе. Он говорил, что сам эти бараны кости видел!

– Я, кажется, догадываюсь, о каком историке вы говорите... – сказал я. – Мне о нем протоиерей Николай Головкин рассказывал. А вы не в курсе, ваш историк раньше не атеизм преподавал?

– Почему вы так говорите? – обиделся тамада.

– Это наш человек. Патриот... И, между прочим, академик! Член Петровской Академии наук!

Что я мог тут сказать?..

И так уж неприлично для дружеского застолья затянулся наш диалог, и так уж возмущенно поглядывали на меня товарищи по патриотическому цеху, которым мешал я сейчас наводить патриотические мосты.

Да ведь и не в доверчивом тамаде было дело!

Вот историк, о котором рассказывал он, академик и патриот, действительно оказался любопытным типажом. Федору Михайловичу Достоевскому выписать бы этакий подпольный характер...

Ведь ни в какие бараны кости наш историк, разумеется, не верил, коли с такой тщательностью перетряхивал, по свидетельству протоиерея Николая Головкина, скатерь в поисках еще одной прилипшей к скатерти частицы, а с другой стороны – этакая злобная мстительность. Не ему досталась частичка мощей, – так получите же!.. Этаким вот рассказом отомстил святым мощам!

Но всё это – сверху.

А чуть глубже – отсутствие страха Божия, дерзость. Ещё глубже обнаружится теплохладность, равнодушие к вере, к Родине, к истории. И всё это затянуто клубящимся ядом себялюбия и клокочущей гордыни...

А на самом донышке – мертвое равнодушие и к самому себе, и к своей собственной душе.

Такие вот у нас, в России, патриоты есть...

21 ноября 1996 года, Санкт-Петербург

СГОРЕВШАЯ БАНЯ

Приехал из Москвы и позвонил Глебу Яковлевичу Горбовскому, сказал, что привёз ему из Москвы деньги.

Горбовский сказал, что сейчас и приедет.

Привез с собой водку, шампанское, мороженое.

Выпили.

Я снова наполнил рюмки, но Глеб Яковлевич сказал, что хочет прочитать посвященное мне стихотворение.

На берегу реки
средь мусора и пьяни
срубили мужики
и затопили – баню.
Там каменка шипит,
благоухает веник.
Там дед на лавке бдит
и всё ему – «до фени».
Там водку голыми
строители приемлют.
Там в топке полымя
ещё подсудно дремлют.
... Ещё с утра бельё
собрал – по телу жженье.
Ведь звали – ё-моё!
А где же приглашенье?
Не вытерпел – иду.
Душа в грязи сопрела.
Но баньки... не найду.
А банька-то – сгорела!
С минуту постоял
над свежим пепелищем
и вроде чище стал –
задумчивей и чище.

Стихотворение мне ужасно понравилось.

Хотя я и не говорил Глебу Яковлевичу о своих впечатлениях от его жизни, но в стихотворении как будто мои мысли о нем и записаны...

26 декабря 1996 года, Санкт-Петербург

ПЕРВАЯ ФРАЗА

Время поджимает. Не так уж и много его осталось, чтобы написать роман... Просто отчаяние какое-то.

Но сегодня тупо сидел за столом и вдруг – «Патриарх умирал долго и трудно» – возникла первая фраза, и пошел, пошел текст.

Страниц пять первой главы «В пастве твоей несть разделения» написал.

28 декабря 1996 года, Санкт-Петербург

В ОЧЕРЕДИ К ПРОТЕЗИСТУ

Ходил к протезисту в зубную клинику. Пока сидел в очереди, слушал, как двое мужчин обсуждают новость о выводе последних федеральных войск из Чечни.

– Разве кто-то мог предположить два года назад, что мы проиграем эту войну?! – возмущенно сказал один.

– Это с какой стороны посмотреть, – отвечал ему другой. – Я, например, считаю, что мы эту войну выиграли...

– А вы разве чеченец?!

– А почему вы думаете, что эту войну чеченцы выиграли?!

5 января 1997 года, Санкт-Петербург

ТОП ОТ «НОВОГО ПЕТЕРБУРГА»

Ездил на конференцию учителей гимназий, читал доклад «О православных корнях поэзии Рубцова».

В газете «Новый Петербург» опубликован топ-лист лучших прозаиков и поэтов Санкт-Петербурга.

В списке прозаиков первой стоит моя фамилия, в списке поэтов – фамилия Глеба Горбовского.

Примечание:

«Лучшим прозаиком 1996 года в Петербурге стал Николай Коняев, автор насыщенной документами, полной художественной и публицистической энергии повести «Гибель красных Моисеев», опубликованной в журнале «Наш современник», № 2-4, 1996 год.

Лучшим поэтом стал Глеб Горбовский, автор новой книги стихов «Флейта в буряне», проник-

нутой горечью и светом бытия, любовью к русскому народу и нашему роковому городу».

9 января 1997 года, Санкт-Петербург

ПРОЗРЕНИЕ

Встретил сегодня в рюмочной Ивана Сергеевича Р.

В советские времена он работал председателем райсобеса, пост занимал немалый и в забегаловки не ходил. Ну а теперь Иван Сергеевич уже нигде не работает. Теперь, оказывается, его в рюмочной можно встретить.

Он рассказал, что сегодня ходил устраиваться на работу к К.

К. этот заработал свой первоначальный капитал, спекулируя гуманитарной помощью, которая должна была распределяться через райсобес, где он работал.

Его Иван Сергеевич и поймал тогда на спекуляции.

С должности К. ушел, но – Иван Сергеевич пожалел и решил не поднимать шума – суда не было, и приобретенный на «гуманитарке» капитал К. не потерял.

Сейчас у него несколько больших магазинов в городе. Дело процветает...

Ну, а у Ивана Сергеевича, как мы и говорили, наоборот. Ни должности не стало, ни капитала.

Но К. своего бывшего начальника на работу не взял.

– Злишься? – поинтересовался Иван Сергеевич.

– Ну что ты? Зла у меня на тебя нет, – сказал К.

– Тут в другом дело...

– В чем же?

– Понимаешь, Иван Сергеевич, тут вот ведь какая штука... На всех не наворуешь...

Иван Сергеевич на К. не обиделся.

– Время нынче такое, – вздохая, признался он мне. – Все правильно! Самому дурака не надо было валять. Тоже ведь возможности имелись когда-то.

13 января 1997 года, Санкт-Петербург

ОДИН ДЕНЬ ВТОРОГО СРОКА

Открылась весенняя сессия Государственной думы 2-го созыва.

Основная тема – обсуждение здоровья Бориса Николаевича Ельцина.

Бастует более полумиллиона педагогов, которым уже несколько месяцев не платят зарплаты.

Патриоты тоже не теряют времени.

Нынешний заместитель секретаря Совета Безопасности Борис Абрамович Березовский, выступая на Совете казачьих атаманов юга России, назвал Хасавюртовские соглашения по Чечне, подписанные Александром Ивановичем Лебедем, «унизительными» и пообещал содействовать вооружению казачьих формирований.

А к орбитальному космическому комплексу «Мир» пристыковался сегодня корабль многоразового использования «Атлантис» (США).

15 января 1997 года, Санкт-Петербург

СВЯТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сегодня наше Православное общество писателей Санкт-Петербурга устраивало литературный вечер в музее Ф.М. Достоевского.

Вечер назывался «Вторые святочные чтения».

Священник Анатолий Трохин прочитал стихи, а священник Геннадий Беловолов рассказал о своей поездке в Германию.

Я же, когда выступал, вспомнил, как первый раз появился в музее Ф.М. Достоевского.

Это было еще в семидесятые годы, и пришли мы сюда с Виктором Кривулиным.

Сидели в комнате научных работников и слушали, как знакомая Виктора вполголоса рассказывает о влиянии православия на творчество Федора Михайловича.

Если бы кто-то сказал тогда, что спустя двадцать лет здесь будет проходить вечер, называющийся святочные чтения, мы бы не поверили.

Впрочем, мы бы не поверили тогда и в то, что проживем эти двадцать лет...

16 января 1997 года, Санкт-Петербург

ЕЛЬЦИНСКИЙ ОТВЕТ

Опубликовано обращение к Президенту России, подписанное лауреатами Нобелевской премии по экономике Л. Клейном, В. Леонтьевым, Дж. Тобином, М. Ингрилигейтором, М. Погумером, а также отечественными экономистами Л. Абалкиным, О. Богомоловым, В. Макаровым, С. Шаталиным, Ю. Яременко и Д. Львовым.

Они говорят, что переход экономики к системе рыночных отношений требует времени. Архитекторы «шоковой терапии» не понимали этого и в результате опрокинули Россию в глубокий кризис...

Пользуясь невмешательством правительства в экономику, вакuum заполняют уголовные элементы. Чтобы остановить процесс криминализации экономики и ликвидировать раковую опухоль прес-

тупности, чтобы создать стабильный предпринимательский климат и стимулировать инвестиции в производство, правительству следует пересмотреть свою роль. Государство должно возродить потребительский спрос, увеличив пенсии и зарплаты. Нужно добиваться, чтобы рента от эксплуатации природных богатств превращалась в доходы государства...

И вот вчера, как бы в ответ на обращение экономистов, подписан Федеральный закон «О повышении минимального размера оплаты труда». С 1 января минимальная заработка плата составит 83 тысячи 490 рублей.

Учитывая, что полукилограммовая пачка самых дешевых пельменей стоит 4 500 рублей, самый дешевый сыр 21 тысячу, а батон хлеба – три тысячи, народу в построенном семьей Ельцина «назначенченском капитализме» и в этом году остается одна только непроходимая нищета.

18 января 1997 года, Санкт-Петербург

ЦЕНЗУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Наше время интересно еще и тем, как легко раскрываются, проявляясь в поступках, характеры.

Попросил священника Геннадия Беловолова прочитать первые главы романа «И закопанные, и сожженные».

Отец Геннадий – филолог, специалист по творчеству Ф.М. Достоевского, он очень благожелательно относится к моим произведениям, и я, естественно, надеялся, что так же благожелательно отнесется он и к новой работе. И замечания его помогут в доработке романа.

И что же? Сегодня зашел в музей Ф.М. Достоевского, а там Геннадий Беловолов встречает меня, с трудом сдерживая раздражение.

Текст вернул молча и с каким-то облегчением.

Потом, помолчав, сказал, что если бы он был цензором, то запретил бы писать о расколе как трудном периоде в истории Церкви.

Ну что тут скажешь?

Кажется, и в глухие советские годы подобных запрещений цензура не делала.

Слава богу, что не цензор отец Геннадий. Слава богу, что не ввели пока духовной цензуры...

19 января 1997 года, Санкт-Петербург

ПРЕЖНИЙ ЖИВОТ

– Ну что вы пихаетесь? Что вы пихаетесь? – шумела в автобусе немолодая нервная женщина.

– Да это не я, – смущенно оправдывался мужчина. – Это живот у меня такой большой!

– А если живот, то нечего в автобусе ездить! Ко-ли сумели живот отрастить в наше время, можете и на мерседесе ездить. Нечего в автобус лезть!

– Так у меня не нынешний живот! – оправдывал-ся мужчина. – Еще с прежних времен оставилшись!

– Вы все равно не пихайтесь! – сказала женщина.

Но уже без раздражения сказала, ми-ролюбивей.

21 января 1997 года, Санкт-Петербург

ПОСЛЕ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Только Борис Николаевич Ельцин выписался из Центральной клинической больницы, как на него сразу дела навалились.

Глава его администрации Анатолий Борисович Чубайс сам признался агентству «Интерфакс», что с апреля по июль минувшего года немножко заработал и теперь честно уплатил более полу-миллиарда рублей налогов.

Вначале Борис Николаевич рассердился, а по-том успокоился.

– А еще говорят, что заработка маленькие... – сказал он. – В администрации у меня, конечно, немного платят, но вообще-то, если в Кремле не служишь, можно ведь, оказывается, зараба-тывать!

И только порадовался он за своих россиян, как из Государственной думы известие пришло, что в повестку дня пленарного заседания Государ-ственной думы внесен проект постановления «О досрочном прекращении исполнения полномо-чий Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина».

А тут еще друг Билл Клинтон попросил баптистов не обижать.

И хотя обе палаты уже приняли закон «О свободе совести и религиозных организациях России», но Борис Николаевич, чтобы не обижать друга Билла, отклонил его...

23 января 1997 года, Санкт-Петербург

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СЕКРЕТ

Пишу роман «И закопанные, и сожженные», и хотя это далеко от нашего времени, кажется, что если бы мы помнили то, что было тогда, то, быть может, сегодня мы жили бы иначе.

Но мы и не могли помнить...

Мы жили в те годы, когда Русскую историю сек-ретили круче, чем военные разработки. Выяс-нить, какие цари правили Россией до Иоанна Грозного, было почти так же трудно, как разу-

нать, над какой оборонной тематикой трудятся закрытые, превращенные в почтовые ящики НИИ.

И вот спрашивается, а зачем делали это, поче-му секретили от русского человека историю России?

Да, наверное, потому, что русские люди, знаю-щие свою историю, не позволили бы так легко манипулировать собою, а это для наших правите-лей – и прошлых, и нынешних! – страшнее всего.

26 января 1997 года, Санкт-Петербург

НОВЫЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС

Еще 8 января 1997 года ввели в действие Уго-ловно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

Но пока получается, что только американская юстиция и греческая наркомафия и откликнулись на него. Там нью-йоркский суд наконец-то при-говорил 29 января Вячеслава Иванькова (Япон-чика) к 7 годам и 9 месяцам тюремного заключе-ния, а в пригороде Афин обнаружили тело бежавшего из «Матрёсской тишины» киллера №1 России Александра Солоника...

Ну, а у нас Генеральная прокуратура материа-лы расследования по фактам нарушений зако-нодательства о приватизации по-прежнему нап-равляет почему-то не в суд, а в Государственную думу.

Как отмечено в официальном послании Гене-рального прокурора Юрия Скуратова, значитель-ная часть нарушений выявлена в Госкомимущес-тве России и причинами этого являются «кор-румпированность госслужащих, их срачивание с коммерческими структурами, игнорирование ими законодательства».

5 февраля 1997 года, Санкт-Петербург

БРАТОНЕНАВИДЕНИЕ

Дописываю роман «И закопанные, и сожжен-ные»...

Александр III говорил, что у России нет других союзников, кроме Армии и Флота. Это великий наш Государь, но и он забыл упомянуть Русскую православную церковь.

Может быть, эта присущая многим Романовым забывчивость и погубила династию?

Едва ли она могла возникнуть у Иоанна Василь-евича Грозного... Она появилась только после церковного раскола.

И не только у государей, а у всего народа.

Раскол вызвал братоненавидение, это братоненавидение усиливалось и в наше время достигло какой-то чрезвычайно высокой точки...

И самое главное для нас сейчас преодолеть его.

Мы должны вспомнить, что, отдаляясь друг от друга, мы удаляемся и от Бога.

10 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ЭПИЛОГ

Вчера закончилось чтение Покаянного канона, и сегодня ходил в библиотеку, выписывал Определение Поместного Собора 1971 года о раскольниках для эпилога романа.

Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви, который открылся 15 августа 1917 года в Успенском соборе Кремля, как известно, восстановив патриаршество, должен был снять и проклятия с раскольников, но не успел, 27 октября 1917 года загремели на улицах Москвы выстрелы. Начался расстрел кремлевских соборов, учиняемый новыми всеянскими учителями...

И словно в зеркальце недоброго фокусника, 17-й год двадцатого столетия превратился в 71-й год, когда удалось все-таки снять роковые для всей России и Православной церкви проклятия Собора 1667 года.

Три столетия потребовалось России, чтобы очиститься от греха, в который ввели нашу Церковь алчные всеянские учителя...

Ну, а какими были годы, вместившиеся между двумя датами с переставленными цифрами, для Русской Церкви и русского народа, нет нужды и говорить...

И вот 2 июня 1971 года наконец-то прозвучали долгожданные слова:

«Мы, составляющие Поместный Собор Русской Православной Церкви, равноильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 года и Большому Московскому Собору 1667 года, рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа:

1. Утвердить постановление патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об отверждении и вменении, яко не бывших, нарицательных выражений, относящихся к старым обрядам и, в особенности, к двууперстию, где бы они ни встречались и кем бы они ни изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы яко не бывшие... Да приведет Господь растоящаяся паки воедино, и в любви друг ко другу да исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущую и Нераздельную.

Аминь».

Этими словами и завершается мой роман «И закопанные, и сожженные», который в издательстве уже решено выпускать под заголовком «Костер Аввакума».

14 марта 1997 года, Санкт-Петербург

ЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН

Сегодня печальная дата. Восемьдесят лет назад в вагоне, загнанном в Пскове на запасные пути, император Николай II подписал отречение от престола.

Ничего не происходит в мире вопреки воле Божией, и гибель Романовской династии тоже имеет духовное объяснение.

В трехсотлетней темноте корней династии и самозванец Гришка Отрепьев, человек дома Романовых, и патриарх Филарет, принявший в 1605 году из рук своего дворового человека митрополичий сан. После гибели Отрепьева митрополит Филарет сам участвовал в прославлении мощей подлинного царевича Дмитрия, но это не помешало ему через три года принять патриаршее достоинство из рук второго самозванца, Богданко.

При внуке Филарета – царе Алексее Михайловиче – произошел церковный раскол. Инициированные якобы политической целесообразностью – шло объединение России с Украиной – церковные Соборы второй половины XVII века унифицировали церковный обряд. Древний Студийский Устав, по которому жила все предыдущие века Русская Православная Церковь, был признан порождением невежества и объявлен не вполне православным. И косвенным, и самым прямым

образом обвинения в «неполной» православности коснулись и всего Собора русских святых, тоже живших якобы «не вполне православно».

Тогда же был изгнан патриарх Никон.

Правнуком Филарета было отменено патриаршество вообще.

Николай II думал о восстановлении патриаршества, но – такова, видно, была Господня воля – совершившись это должно было после окончательного уничтожения династии, родоначальник которой принял патриарший чин из рук самозванца.

Святителя Тихона избрали уже после отречения Романовых от престола.

2 марта 1917 года, подписывая отречение, Николай II не мог еще знать этого, но похоже, он понимал всё, чему назначено случиться...

Сегодня, в печальную годовщину его отречения, закончил свой исторический роман «И закопанные, и сожженные» о событиях раскола в семнадцатом веке, которые и привели в итоге к семнадцатому году.

Роман договорный, и хотя и с удовольствием писал его, но очень нервничал, что не успею к сроку...

А сегодня закончил, и как-то жаль стало, что закончил.

Как-то очень тоскливо навсегда возвращаться из того времени в наши дни.

15 марта 1997 года, Санкт-Петербург

Примечание

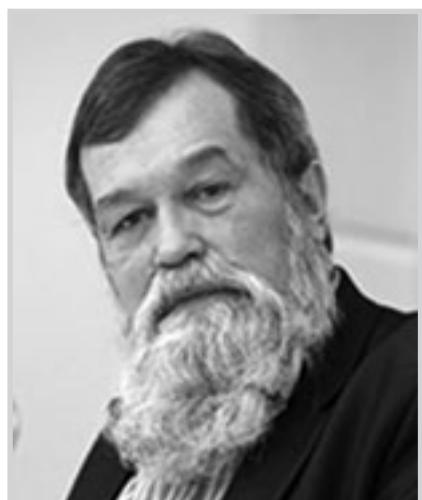
¹ Журнал «Север» начинает публикацию третьей части книги Николая Коняева «Застигнутые ночью (Дневники человека времен перестройки и реформ)». Предыдущие части были опубликованы в «Севере» №11-12 за 2011 г., 1-2 за 2012 г. и № 1-2 – 7-8 за 2015 г. Печатается в сокращении.

² Священники были помещены в концлагерь «департамента государственной безопасности Чеченской Республики Ичкерия». Протоиерея Сергея Жигулина боевики выпустили, а Анатолия Чистоусова долго избивали и 14 февраля 1996 года расстреляли.

³ Уже в двухтысячные годы удалось выяснить, что Альберт Михайлович Рубцов умер 12 ноября 1984 года в селе Горнослинкино Уватского района Тюменской области.

⁴ «Вечерний Петербург». 31 мая 1996 года, № 102.

Продолжение следует

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесене на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки», «Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах», «О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане», «Гавдарея», «Утихой воды», «Неудавшийся побег», «Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита», «Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале», «Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина, премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».